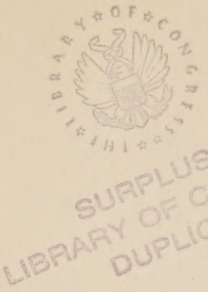
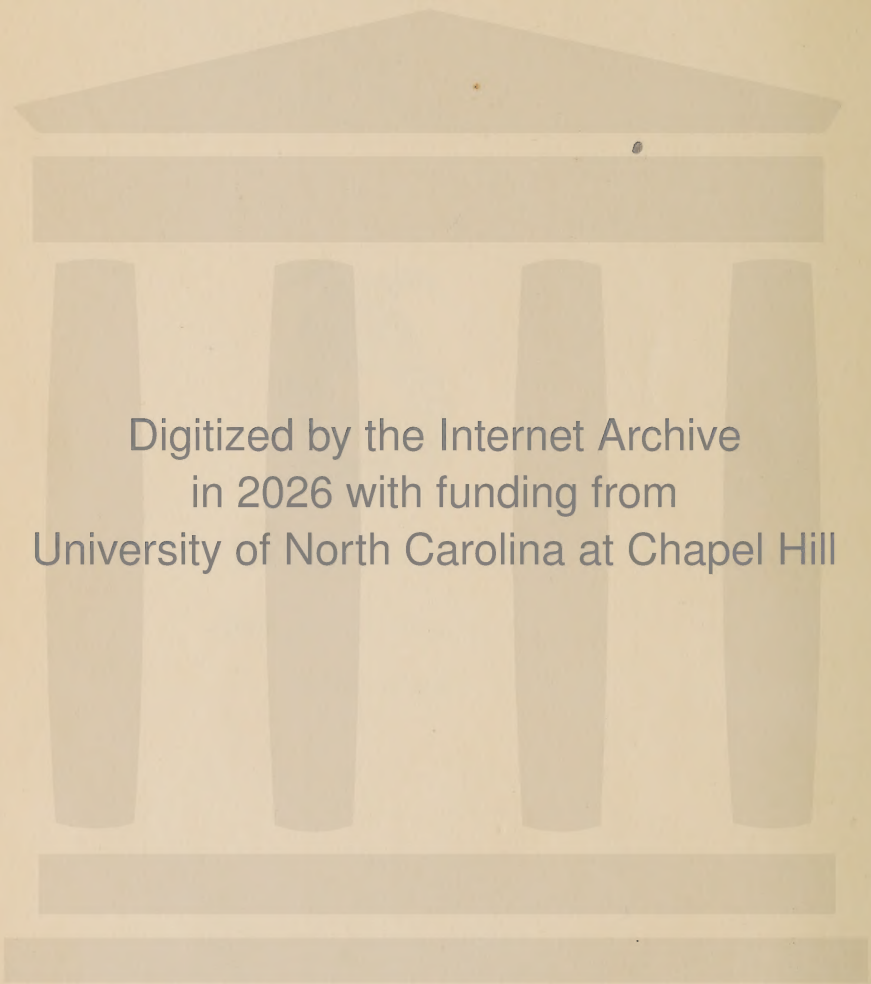
Class

Book

SLAVIC DIVISION

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00018336196




Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/ukriepaslovokrus00remi

Алексѣй Ремизовъ

УКРѢПА

Слово
къ русской землѣ
о землѣ родной,
тайностяхъ
земныхъ
и судь-
бѣ.

Петроградъ
1916

3036
5012
Remizov, Alex M
2-1-01
W.A.
PG3470
.R4
U4
1916
Ukriepa
199

Алексѣй Ремизовъ.

Укрѣпа.

Слово
къ русской землѣ о землѣ родной,
тайностяхъ земныхъ
и судьбѣ.

Петроградъ.
1916

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

PG3470
.K4
Copy 2

Типография Сиверса

Петроградъ. Рыночная, 10.

By Transfer
DEC 10 1928

Посвящаю

С. П. Ремизовой-Довгелло.

Len.Mezhd.Kn.Feb.1924

PG 3470

Камень не камень, твердынное, какъ камень, чистымъ серебромъ окладенное, лежало слово на русской землѣ.

Осенній вѣтеръ вызнабливалъ сердце, вьюжливой метелюжливой зимой зимскою сковывалъ морозъ, заливалъ снѣжный наслудъ и шумно топило его половодьемъ.

А придетъ весна теплая, да долгая, отдохнутъ всѣ поля и тамъ, на рѣкѣ Костромѣ, гдѣ въ зеленыхъ низовьяхъ шелестятъ камыши и на мелкомъ песку свѣтятся гладкіе голыши, грѣется оно, твердынное, подъ яснымъ солнцемъ — или и осеннему вѣтру не повыкрушить сердца! — слушаетъ звонъ колокольный: надъ воскреснымъ утромъ отъ далекаго Озера Святого до Ипатія несется надъ Волгой звонъ благовѣстный.

То мѣсто свято — святая и крѣпкая Русь.

Во времена лихолѣтья гудѣлъ набатъ въ слободахъ Костромы, собиралъ народъ, подымался русскій народъ, и отъ роду родовъ не бывало, чтобы даромъ врага промелéдили — Стань къ сторонѣ! — разбивался врагъ о твердыню.

То мѣсто свято — святая и крѣпкая Русь.

Шелестятъ камыши, лѣниво струится рѣка — темныя волны, волна за волной, въ широкую Волгу, и по приволью большому зеленѣютъ зеленыя дали, — тамъ когда-то стояли костры становища дикаго каменнаго люда и гремѣли дикія пѣсни.

Не дикія пѣси, шелестятъ камыши, слышатъ тепло — лѣто ведреное Богъ посылаетъ, и чудится въ ночи, слышно ржанье коней да глухой мечный звонъ, — это дружины русскія вышли на защиту родной стороны подъ святой кличъ „За русскую землю!“ и отъ рѣки, вырытой шведской рукой, вплоть до подземнаго подъ Костромою-рѣкой годуновскаго хода стала подъ стягъ стародавняя православная Русь.

То мѣсто свято — святая и крѣпкая Русь.

Камень не камень, твердынное, какъ камень, чистымъ серебромъ окладенное, лежало слово на русской землѣ, крѣпло отъ вѣка съ крѣпкою Русью, стойкой, готовной вѣрой и правдой до смерти постоять за родимую землю.

И безмолвное, черезъ всѣ испытанія, пожаръ и напасти хранимое пречистымъ Покровомъ, въ грозный часъ вотъ воспрянуло оно, стародавнее, поновить русскую землю, поднялось оно, крестное, во всей своей силѣ укрѣпить и утвердить — наполнить сердце духомъ единымъ и единою мыслью русской за Русь, за Россію родимую.

СТРАДНОЙ РОССІИ.

Страдной Россіи.

На страду вашу братскую — въ поле бранное, въ ту горькую пустыню, гдѣ постъ великъ и часъ скоръ, донесетъ ли мой голосъ въ Христову ночь —

Христосъ Воскресъ!

Какъ пустыня, други, печаль залегла по полямъ и въ лѣсахъ на Руси. Темны ночи и долги часы: забудешь — вспомнишь, вспомнишь, не воротишь. И однѣ только думы...

Други, Христосъ Воскресъ!

Въ полночь колоколъ ударитъ, загудётъ — сердце родимое матери — земли родной загудетъ. Васъ, мои братья, вѣрные трудники за русскую землю, вспомянетъ русскій народъ —

Христосъ Воскресъ!

1915 г.

НиколинЪ завѣтЪ.

За Онегой — гремучимЪ моремЪ жилЪ одинЪ богатый мужикЪ сильный, да своихЪ не трогалЪ и отЪ народа честь ему шла, ФилиппомЪ звали. Была у него семья большая — и всѣ сыновья на войну пошли воевать, и остался онЪ со старухой, да невѣстки сЪ ними.

И случилось на Николу, лежитЪ ФилиппЪ ночью, раздумываетЪ — и праздникЪ пришелЪ, престолЪ вЪ ихЪ селѣ, а отЪ сыновей ни слуху! — и стало ему смутно, не до сна, и жалко. И слышитЪ среди ночи звонЪ. Прислушался — или вѣтерЪ? — нѣтЪ, звонили вЪ колоколЪ. ВсталЪ ФилиппЪ и пошелЪ изЪ двора, разбудилЪ стариковЪ.

— Слышали, — говоритЪ, — что?

— Да, — говорятЪ, — вЪ колоколЪ ударили.

Пошли вЪ церковь. А ночь была крѣпкая, да такая свѣтлая — звѣзды, какЪ птицы, плыли изЪ конца вЪ конецЪ, бѣлыя надЪ бѣлой землей. Подошли кЪ колокольнѣ, смотрятЪ — на колокольнѣ нѣтЪ никого, а звонитЪ... разЪ пять ударило вЪ колоколЪ.

Вызвался ФилиппЪ, дай самому развѣдать. Поднялся на колокольню и видитЪ — стоитЪ подЪ колоколомЪ старикЪ, такЪ нищій старикЪ, ни руками, ни ногами ни двигнетЪ, а колоколЪ звонитЪ.

— Ты кто? — спрашиваетЪ нищій старикЪ.

— Я ФилиппЪ сЪ Николиной тропы, а ты кто?

А старикЪ только смотритЪ, да добро такЪ, милостиво:

„Филиппушко, молЪ, аль не признаешь“?...

У Филиппа духъ захватило, сложилъ Филиппъ руки крестомъ.

— Прости, — говоритъ, —ты меня, Никола угодникъ Божій... и зачѣмъ ты звонишь ночью?

— А звоню я, — говоритъ угодникъ, да сталъ такой грозный, — я звоню потому, что крещеные грѣшатъ, часа не помнятъ, землю свою забываютъ. За землю всякому пострадать надо. А имъ бы только чаю, кофію попить. Ступай и скажи, пусть всѣ знаютъ, а не то я на нихъ наказаніе пошлю.

— Не повѣрятъ, коли словами скажу, — сказалъ Филиппъ, онъ стоялъ передъ угодникомъ, руки крестомъ сложены.

— Повѣрятъ! — сказалъ угодникъ Божій и благословилъ милостивый Никола итти Филиппу къ народу по землѣ родимой,— за землю всякому пострадать надо.

Филиппъ хотѣлъ протянуть руку, а рукъ не разжать.

Крестомъ сложены руки, такъ сошелъ съ колокольни и разсказалъ, что видѣлъ и слышалъ и что съ нимъ стало: крестомъ сложены руки.

А на утро по обѣднѣ Филиппъ простился съ домомъ, со старухой. Всѣмъ міромъ проводили Филиппа. И пошелъ онъ изъ родного погоста мимо избъ осиротѣлыхъ по дальнимъ широкимъ страднымъ дорогамъ, укрѣпляя народную думу, силу и вѣру — пострадать за родимую землю.

1914 г.

За родину.

— Въ три стороны тебѣ воля, — иди, куда хочешь, гуляй во всю, а въ четвертую — родную сторону ни по́-ногу, своихъ не трожь, за родину проклянетъ народъ.

Гулялъ Степанъ, разбойничалъ — вострая сабля въ рукахъ, за плечами ружье, охотничалъ разбойничекъ: дикая птица, двуногая, съ руками, съ буйной головой добычей была. Ухачи, воры — товарищи. Гдѣ что попадалось, все тащилъ, зря не бросалъ и не проглядывалъ, что висло висѣло. И былъ у него большой домъ — таборъ разбойный, и хлѣба, и одежды и казны вдоволь, полны мѣшки серебра. Съ молоду было — лизнулъ онъ камень завѣчный и все узналъ, что на свѣтѣ есть. И не зналъ ужъ страха, и не было на свѣтѣ того, кто бы погубить его могъ. И Саропскій лѣсъ приклонился передъ нимъ къ землѣ.

Гулялъ Степанъ, разбойничалъ, Турецкое царство разбилъ; Азовское море и море Каспійское въ грозѣ держалъ. И полюбилъ народъ Разина за гульбу и вольность его: отместитъ разбойничекъ обиду народную!

Ночь ли темная, или напрасная кровь замутили вольную разбойную душу, нарушилъ Степанъ завѣтъ родителевъ, пошелъ на своихъ, своихъ сталъ обижать — не пройти, не проѣхать по Волгѣ, замаялъ. И вышелъ у народа изъ вѣры.

— Въ три стороны тебѣ воля, — иди, куда хочешь, гуляй во всю, а въ четвертую — родную сторону ни по́-ногу, своихъ не трожь, за родину не проститъ, проклянетъ народъ.

Вотъ онъ съ разбою ѣхалъ по Волгѣ. Никто его не встрѣчаетъ, одинъ страхъ стоитъ по Волгѣ. Мимо Болгаръ проѣзжалъ, про прежнюю вспомнилъ — про свою первую пощаженную встрѣчу. Что-то скучно ему...

„Дай къ ней зайду!"

Вышелъ Степанъ изъ лодки, завернулъ къ купцову полукаменному дому — было когда-то въ домѣ веселье, знавалъ и разгулку.

Отворила дверь сама Маша. Смотритъ, глазамъ не вѣритъ — Стенюшка ли это милый?

— Что, Егоровна, али старъ ужъ сталъ? Съ Жегулиной горы гость къ тебѣ.

Посидѣли молча. И вспоминать не надо.

— Что-то мнѣ скучно, Маша.

А она только смотритъ. Вспоминать не надо! И вспомнила, обиду вспомнила и простила, за себя простила, и другую вспомнила обиду — и не простила.

— Истопи мнѣ, Машенька, баню, какъ бывало.

— Ладно! — и хотя-бы глазомъ моргнула, какъ камень.

Истопила Марья баню, снарядила въ послѣдній разъ дружка. А сама на село.

— Стенька парится въ банѣ! — кричала на все село.

Взбулчалъ старшина, нарядили народу — кто съ дубиной, кто съ топоромъ, кто съ косой, кто съ ружьемъ.

Тамъ гвалъ, тутъ гамятъ.

— Давай его сюда!

— Иди къ нему!

— Чего глядишь-то!

— Тащи его!

А ни съ мѣста.

А проходилъ селомъ странникъ, старый старикъ.

— Что у васъ за сходка? — спрашиваетъ старикъ.

— Хотимъ Стеньку изловить.

Посмотрѣлъ старикъ, покачалъ головой.

— Гдѣ вамъ, братцы, его пымать! Развѣ мнѣ...

Поумолкли.

Снялъ старикъ шапку, три раза перекрестился и пошелъ къ купцову полукаменному дому, подошелъ къ банѣ.

Тихимъ голосомъ сказалъ старикъ:

— Степанъ!

Громко отвѣтилъ Стенька:

— Эхъ ты, старый хрѣнъ! Не далъ ты мнѣ помыться.

А ужъ значитъ судьба, дѣлать нечего, сталъ собиратьея.

И вышелъ Степанъ изъ бани. Поглядѣлъ на всѣ стороны, перекрестился и пошелъ за старикомъ.

Тихимъ голосомъ сказалъ старикъ:

— Старшина, давай подводу!

Не галдѣлъ народъ. Какъ стояли, такъ и замерли — кто съ дубиной, кто съ топоромъ, кто съ косой, кто съ ружьемъ.

Посадилъ старикъ разбойника на телѣгу, самъ впереди сѣлъ — и съ Богомъ.

Такъ и привезъ въ городъ.

— На-те вотъ вамъ разбойника Стеньку Разина въ казематъ.

Сбѣжался народъ. Топчутся, не знаютъ, какъ подступить.

Исправникъ говоритъ:

— Надо въ желѣзо его сковать.

Побѣжали за кандалами. Принесли кандалы. Заковалъ его кузнецъ.

Стенька тряхнулъ ногой, и желѣзы прочь полетѣли.

— Глупые, не поможетъ тутъ желѣзо, дайте я его свяжу!

Взялъ старикъ моченое лыко, ноги и руки лыкомъ связалъ.

— Ну, готово, теперь ведите.

Степанъ поглядѣлъ на старика.

— Прости, дѣдушка!

А старикъ будто не слышитъ.

— Прости, дѣдушка!

Старикъ нахмурился.

— Прости меня! — въ третій разъ сказалъ Степанъ.

Поднялъ посохъ старикъ...

— Не прощу!

И пошелъ такой старый, не простой, бездомный странникъ, не оглянулся, пошелъ по дорогѣ туда, гдѣ тихо поля родныя разстилаются и лѣсъ нагрозился.

1914 г.

СолдатЪ-доброволецЪ.

I.

Три сына росли у Касьяна. А по тѣмЪ мѣстамЪ такія были дряби да грязи, — не пройти, не проѣхать.

ВотЪ и говоритЪ КасьянЪ сыновьямЪ:

— Вы, дѣтушки, теперь выросли, давайте-ка міру послужимЪ, замостимЪ мостами дрябь, чтобы людямЪ ходить хорошо было.

И три года мостили, осталось послѣдній гвоздь вколотить, — будетЪ путь во всѣ стороны.

Старшій сынЪ мостилЪ черезЪ мхи, пріусталЪ, прилегЪ отдохнуть подЪ мостомЪ и слышитЪ, идетЪ черезЪ мостЪ старичокЪ и Бога молитЪ:

— Дай, Господи, кто этотЪ мостЪ мостилЪ, чего попроситЪ, то и дай.

ВышелЪ старшой кЪ старичку:

— Мы мостили, три брата насЪ, да батюшка.

— Что тебѣ надо? — спросилЪ старикЪ.

— А мнѣ много не надо, а чтобЪ ни за чѣмЪ вЪ люди не ходить, дома жить.

— ТакЪ и будетЪ.

И пошелЪ старичокЪ своей дорогой.

На другой день середній сынЪ прикорнулЪ подЪ своимЪ мостомЪ, и тотЪ же старичокЪ идетЪ и Бога благодаритЪ. И, какЪ старшой, пожелалЪ середній сынЪ:

— Ни за чѣмЪ вЪ люди не ходить.

— Такъ и будетъ, — посулилъ и ему старикъ.

На третій день сидитъ подъ мостомъ малый сынъ. Идетъ черезъ мостъ старичокъ, молитъ Бога.

Выходитъ малой.

— Что тебѣ надо? — спрашиваетъ старикъ.

— А хочу я царю-батюшкѣ помогать, хочу въ солдаты итти.

— Трудное дѣло, Иванъ, да и молодъ еще! — сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, я пойду!

— Ударься о землю! — приказалъ старикъ.

Ударился Иванъ о землю и сталъ оленемъ. Бѣгалъ, бѣгалъ, изъ силъ выбился, прибѣжалъ къ старику.

— Былъ олень, стань рысью! — сказалъ старикъ.

И сталъ Иванъ рысью и побѣжалъ, уморился и назадъ идетъ.

— Былъ рысью, стань соколомъ!

И ужъ соколомъ полетѣлъ онъ и много леталъ, примахались крылья, спустился.

— Былъ соколомъ, будь мурашомъ!

И обратился Иванъ въ муравья, ужъ ползалъ, ползалъ съ вѣтки на вѣтку, съ прута на прутокъ.

— Ну, довольно.

И сталъ Иванъ опять человѣкомъ.

— Богъ тебя благословляетъ на службу, — сказалъ старикъ, — служи вѣрой и правдой. Когда будетъ нужно, ударься о землю — и станешь оленемъ, рысью, соколомъ и мурашомъ.

И пошелъ старичокъ своей дорогою.

Стали братья жить-поживать, каждый своимъ дѣломъ занялся, на что Богъ благословилъ. Старшой промышлялъ торговлей, и дѣло хорошо пошло, средній на землѣ хозяйствовалъ и тоже не жаловался, а меньшой Иванъ, — такъ ужъ знать ему на роду написано, — какъ сдѣлалась завороха-война, занабирали народу, и пошелъ онъ охотой въ солдаты.

2.

Цѣлый годъ шли войной. Далъ Богъ, повоевалъ царь много земель, побѣдилъ непріятеля, и пришло время перемирію.

Всѣ цари собрались на собраніе, всѣ въ коронахъ. Хватился нашъ царь, гдѣ корона? — безъ короны въ собраніе не пускаютъ, — а корону-то дома забылъ. И даютъ царю три дня сроку, а то назадъ отберутъ всѣ земли или опять войну начинай. Что подѣлаешь, надо корону! И заразыскивалъ царь народу, кто можетъ въ трое сутокъ домой сходить и назадъ съ короной притти?

Да кому это возможно, — годъ вѣдь шли! — отказываются.

И выискался Иванъ.

— Я схожу.

Обрадовался царь:

— Вотъ что, Иванъ, исполнишь, — дочь за тебя отдамъ.

Написалъ царь письмо царевнѣ и съ царскимъ письмомъ снарядилъ въ путь солдата.

Вышелъ Иванъ изъ виду вонъ, да какъ ударится о землю — и сталъ соколомъ и полетѣлъ.

Черезъ рѣки летитъ соколомъ, по полямъ — оленемъ, сквозь лѣса — рысью, такъ и шелъ и шелъ.

Въ сутки добѣжалъ оленемъ.

Народъ кричитъ:

— Хватайте! Хватайте!

А старые люди головой качаютъ:

— Ой, не вѣсть ли отъ царя?

Прямо ко дворцу бѣжитъ.

И не сдобровать бы оленю, — самоходъ задавитъ, — да онъ муравьемъ обернулся и муравьемъ попалъ во дворецъ на верхи къ царевнѣ и тамъ сталъ солдатомъ.

Ужаснулась царевна.

— Какъ, — говоритъ, — ты вошелъ, солдатъ, и по какому случаю?

Солдатъ ей письмо отъ царя и разсказываетъ, какъ донесъ письмо.

Не вѣритъ царевна: годъ шли войной, какъ въ однѣ сутки поспѣть!

— Я тебѣ покажу, царевна!

И ударился солдатъ о землю и сталъ соколомъ.

А царевна изъ него перышко вытянула да въ платочекъ.

— А еще какъ?

И сталъ онъ оленемъ.

Царевна у него рожка отломила и опять въ платочекъ.

— Еще покажи!

И сталъ онъ рысью.

Царевна у него шерстки клокъ вырвала и къ рожку въ платочекъ.

— А какъ, — говоритъ, — во дворецъ попалъ?

— Я мурашомъ вползъ.

И обернулся муравьемъ.

А царевна изъ него бочечку-яичко вытянула да въ узелокъ завязала.

И повѣрила. Дала ему царскую корону и письмо отцу написала.

Забралъ солдатъ корону, запряталъ письмо, обернулся соколомъ.

— Прощай, царевна! — и улетѣлъ.

Ближней дорогой, какъ соколъ, долетѣлъ Иванъ до моря. И всего ничего оставалось, да усталъ, вздумалъ отдохнуть малость и повалился на берегъ.

А у моря два солдата на часахъ стояли: Хайловъ да Вагановъ, — корабли стерегли. Видятъ солдата на берегу, пошарили, хвать, а у него царская корона да письмо отъ царевны.

— Ой, — говоритъ Вагановъ, — ужъ не воръ ли?

— Воръ не воръ, а прощалыга. Такъ оставить невозможно.

И давай будить Ивана. Ужъ головой били о землю и всѣ ему ребрышки посчитали, а онъ и ухомъ не ведетъ, — очень уморился. Ну, пеняй на себя, долго разговаривать некогда, и живо на корабли. И во-время къ царю съ короной поспѣли.

На радостяхъ царь забылъ про Ивана: тутъ дѣло такое, не до Ивана.

3.

Думалъ Иванъ часокъ отдохнуть, разоспался, и ночь наступила, а онъ спитъ и спитъ. Въ полночь вышелъ внучекъ Водяного на бережку поиграться, — на морѣ тишина стояла, ни ко-

раблика не плавало въ морѣ, — увидалъ внучонокъ Ивана, сграбасталъ да въ море, къ дѣду.

— Дѣдушка, дѣдушка, я тебѣ солдата поймалъ.

Видитъ дѣдъ, человѣкъ не худой:

— А пускай съ тобой гуляетъ.

Ну, и остался Иванъ жить у царя Водяного при его внучонкѣ.

И мѣсяцъ прошелъ, и другой, и третій, — много прошло. Кормятъ и поятъ Ивана, да скучно. И запечалился Иванъ, отсталъ отъ ѣды. Думы-то тамъ, на землѣ:

„Ужъ, поди, — думаетъ, — царь миръ заключилъ, то-то тамъ весело".

— Что, Иванъ, аль стоскнулся о бѣломъ свѣтѣ? — спрашиваетъ Водяной.

— Хоть-бы глазкомъ поглядѣть! — запросился Иванъ.

— Ладно, выпущу тебя на часокъ, а болѣ не бывать! — да какъ крикнетъ ребятъ.

И откуда взялось, собрался народъ — всѣ были набросаны въ море! — и живо его со дна вынесли и на островокъ положили.

Ударился Иванъ о землю и соколомъ улетѣлъ.

Море за нимъ, — подымалось, подымалось, — а ужъ высоко, не утянуть, такъ и улетѣлъ.

Отлетѣлъ Иванъ отъ моря и пошелъ. Дошелъ до деревень, спрашиваетъ:

— Что, крещеные, вернулся царь съ войны?

— Да ужъ мѣсяца два будетъ, — говорятъ Ивану.

Онъ дальше, все идетъ и идетъ, пришелъ въ городъ. И остановился у нищей старухи Волкивны.

— Что это у васъ все пѣсни поютъ?

— А какъ же, — говоритъ Волкивна, — за солдата Хайлова царская дочка замужъ выходитъ: досталъ царю корону миръ заключать! А товарища его царь первымъ генераломъ сдѣлалъ: тоже старался. Да, слышно, царевнѣ-то неохота. Завтрашній день даетъ царь пиръ съ музыкантами, черезъ три дня свадьба.

— А нельзя-ли мнѣ, бабушка, на царевну посмотрѣть?

— Чего же нельзя, надѣнь музыкантское платье и иди на пиръ.

А былъ у Волкивны пріятель изъ музыкантовъ, померъ, а мундиръ завѣщалъ старухѣ: Волкивна его у себя подъ подушкой держала.

Нарядился Иванъ въ музыкантское платье и на пиръ, сѣлъ съ музыкантами.

Царевна съ женихомъ прогуливается, а тотъ товарищъ его за ними ходитъ. Подошла царевна къ музыкантамъ.

— Не слыхалъ ли кто, какъ солдатъ царю корону досталъ миръ заключать?

Никто ничего не отвѣчалъ.

Тутъ поднялся Иванъ.

— Я, — говоритъ, — про такое не слышалъ, а самъ въ старину такъ дѣлалъ: обернусь соколомъ и лечу, черезъ рѣки — соколомъ, по полямъ — оленемъ, сквозь лѣса — рысью, а гдѣ надобно и мурашомъ.

— А теперь можешь?

— Могу.

Вышелъ Иванъ на площадь, ударился о землю и соколомъ полетѣлъ, подлетѣлъ къ царевнѣ.

А царевна вынула изъ платочка перышко, приложила.

— Вотъ, — говоритъ, — тутъ и было.

Обернулся Иванъ рысью.

Царевна шерсти клочокъ приложила, и пришлось.

Бѣгалъ Иванъ оленемъ, ползалъ муравьемъ. И рожка, и бочечку приложила царевна, и все пришлось.

И говоритъ царевна отцу:

— Вотъ, батюшка, мой суженый, вотъ кто корону досталъ!

Тутъ Хайловъ и Вагановъ въ ноги царю, повинились: не хотѣли губить человѣка, да такъ ужъ вышло.

Царь ихъ выдалъ Ивану и сейчасъ же за свадьбу.

Повѣнчался Иванъ на царевнѣ и сталъ жить-поживать. А товарищей отпустилъ на волю: Богъ съ ними, и такъ натерпѣлись, бѣдняги.

1914 г.

Доля солдатская.

Сидѣлъ солдатъ въ окопахъ, и осень ситъ и зиму ситъ, и захотѣлось ему на родинѣ побывать.

— Хоть бы, — говоритъ, — чортъ меня туда снесъ, глазкомъ взглянуть!

А онъ тутъ-какъ-тутъ.

— Ты, — говоритъ, — Королевъ, меня звалъ?

— Звалъ.

— Домой захотѣлъ?

— Да мнѣ бы на недѣльку.

— Изволь, на три, — чортъ растопырился, — давай въ обмѣнъ душу!

— А какъ же я службу брошу?

— Я за тебя.

И рѣшено было у солдата съ чортомъ: солдатъ недѣлю и другую и третью на родинѣ проживетъ, а чортъ это время въ окопахъ просидитъ.

— Ну, скидывай! — сказалъ чортъ солдату.

Солдатъ снялъ съ себя шинель, шапку, подалъ чорту и ружье отдалъ. И не успѣлъ опомниться, какъ очутился дома.

А чортъ кое-какъ ремни подвязалъ и залегъ съ ружьемъ.

Дѣло-то ему непривычно, думалъ, что какъ-нибудь обойдется, а въ первую же ночь хвостъ къ землѣ примерзъ, ужъ отдиралъ, отдиралъ, едва высвободился. А ничего не подѣлаешь, — служба! Да и голодно: привыкъ по трактирамъ шататься, а тутъ тебѣ не трактиръ. И самъ ужъ не знаетъ, что въ голову полѣзло: извѣстно, какая ужъ совѣсть, а тутъ послали

выбивать штыками, — рука не подымается, въ родѣ какъ жалко.

Недѣля прошла, — за годъ показалась. Полегоньку завшивѣлъ чортъ, а бородища отросла во! — ни на что не похоже.

Такъ и сидѣлъ чортъ въ окопахъ, мерзъ да зубами щелкалъ. И ужъ чья-то добрая душа чорту въ окопы кисетъ прислала. Ко хвосту его чортъ придѣлалъ, а легче не стало.

Наконецъ-то насталъ срокъ солдату.

Простился солдатъ съ домашними.

— Невозможно, — говоритъ, — больше оставаться, прощайте! — и опять попалъ въ окопы.

А чортъ, какъ завидѣлъ солдата, все съ себя долой.

— Ну, — говоритъ, — съ вашей и службой-то солдатской! И какъ это вы терпите?.. — да стрекача изъ окоповъ, забылъ и про душу.

1914 г.

Шишокъ.

Если другой разъ и человѣка ни по чемъ не беретъ пуля, то противъ нечистой силы что плевокъ, что пуля.

Стояли солдаты въ землѣ не нашей, очереди дожидались и заскучали, стоявши. Вотъ онъ и задумалъ подшутить надъ ними.

— Стрѣляйте, — говоритъ, — въ меня, сколько влѣзетъ, мнѣ ничего не будетъ! — и сталъ самъ мишенью.

Ну, и выискались охотники, нацѣлятся — выстрѣлятъ, а онъ сейчасъ же пулю изъ себя, и несетъ тому, что стрѣлялъ.

Диву давались солдаты.

А былъ одинъ старичокъ въ обозѣ, — угодники-то нынче, слышно, всѣ туда, на войну ушли! — и говоритъ старичокъ солдатамъ:

— И чего вы, други, мудрить надъ собой даетесь, да и добро по-пусту изводить грѣшно!

— А какъ бы намъ, дѣдушка, его осилить?

— А очень просто, — старичокъ-то все зналъ, — только зря не годится: отместитъ, окаянный.

Стали приставать къ старику, скажи да скажи. А ужъ шишокъ, видно, смѣтилъ и что-то не слышно стало. Старичокъ и открылъ тайность.

— Очень просто: пуговицу накрестъ разрѣжь, заряди ружье и стрѣляй, — завертится!

Ну, схватились было искать, туда-сюда...

А тутъ такое пошло, не до того, ужъ: вдругъ повалилъ настоящій, гляди, не зѣвай, — силища страсть, и откуда только берется, такъ и претъ.

Да Богъ далъ, изъ бѣды вышли.

Отсталъ отъ товарищей Куринъ, изъ третьей роты, не завалящій солдатъ, во! — папироску закуришь. Туда пойдетъ, нѣтъ дороги, повернетъ въ сторону, — и того хуже. Такъ и пробирался на волю Божью, а ужъ едва ноги волочитъ, ой, пришлось туго!

Бредетъ Куринъ мимо пруда и видитъ: сидитъ на плотинѣ... узналъ, онъ самый, ногами въ водѣ бултыхаетъ, а рожу на Курина, языкъ высунулъ, дразнитъ:

„Что, молъ, ничего, солдатъ, не сдѣлаешь!“

И такъ это Курину досадно стало, вспомнилъ онъ старичка, про что старичокъ-то сказывалъ, подошелъ поближе къ плотинѣ, живо отхватилъ пуговицу, зарядилъ ружье, прицѣлился да какъ трахнетъ.

Такъ того въ прахъ.

— Ага! — словно обрадовался кто-то.

Только и услышалъ Куринъ, ноги соскользнули.

И сказывали, безъ вѣсти солдатъ сгинулъ.

1915 г.

СолдатЪ.

1.

СлужилЪ солдатЪ царю вѣрой и правдой, за родину терпѣлЪ и трудился, во сколькихЪ бояхЪ побывалЪ, ужЪ смерть какЪ на него зубы точила, да БогЪ миловалЪ, цѣлЪ остался. А вернулся, нѣтЪ у него ни угла, ни крова, три сухаря вЪ сумкѣ, — доживай вѣкЪ, какЪ знаешь!

И пошелЪ солдатЪ, куда глаза глядятЪ.

ВотЪ ходитЪ онЪ день, и другой, и третій, кончилЪ всѣ сухари и, хоть ложись, да протягивай ноги, нѣтЪ больше силЪ...

И видитЪ солдатЪ, идетЪ ему навстрѣчу человѣкЪ такой чудный.

— Куда идешь, солдатЪ?

— Куда глаза глядятЪ, добрый человѣкЪ! — и разсказалЪ солдатЪ всю свою жизнь, какЪ служилЪ царю вѣрой и правдой, за родину терпѣлЪ и трудился.

— Ну, правильно ты прожилЪ, солдатЪ, вЪ семЪ вѣкѣ, ступай вЪ царство небесное!

А это самЪ Господь былЪ.

ПоблагодарилЪ солдатЪ за такую милость.

„ВотЪ когда поживу-то!“ — и пошелЪ по дорожкѣ направо.

Долго-ли, коротко-ли, достигЪ солдатЪ райскаго мѣста.

И ужЪ такая тамЪ благодать: какія поля, какіе луга! — ходитЪ солдатЪ, только диву дается. Насмотрѣлся, наглядѣлся всякихЪ чудесЪ, покурить захотѣлось, а табаку ни крошки. ВотЪ онЪ и туда заглянетЪ, и сюда зайдетЪ, — зданія все огромадныя, какЪ дворецЪ, ни одной лавчонки.

А шли изъ лѣсочка праведные старцы. Солдатъ къ нимъ:

— Покурить больно хочется, нельзя-ли какъ, старички, табаку раздобыться!

— Какой такой табакъ! Что ты, солдатъ, нешто тутъ этимъ балуются?

И такъ его пощуняли, ужъ не радъ, что связался.

Сильно солдату досталось.

А курить смерть хочется.

— Можетъ, гдѣ его тайная продажа есть? — да мѣстностей-то онъ не знаетъ и спросить ужъ боязно.

2.

И пошелъ солдатъ, куда глаза глядятъ.

И опять ему навстрѣчу тотъ человѣкъ, такой чудный.

— Что это ты, солдатъ, голову повѣсилъ? Или тебя кто обидѣлъ?

А это самъ Господь былъ.

— Терпѣнья нѣтъ, курить хочется.

— Ну, коли такъ, ступай по той вонъ дорожкѣ: тамъ все есть!

Поблагодарилъ солдатъ, повернулъ налѣво, да скорѣй въ путь.

А ужъ бѣсы бѣгутъ навстрѣчу, лапками такъ и разметываютъ. И припекать стало, да солдату что, — видывалъ и не такое: одинъ вошиный зубъ чего стоитъ!

Обступили бѣсы, жужжатъ, что пчелы.

— Что тебѣ, солдатъ, угодно? Да не надо ли чего? Да мы все тебѣ, что хочешь! Рады служить! Приказывай!

Солдатъ отъ нихъ отбиваться, — летѣли бѣсы, какъ пули, — ну, гдѣ на землю приляжетъ, гдѣ ползкомъ. Какъ ни какъ, добрался до самаго пекла.

— Дайте, — говоритъ, — мѣстечко, передохну малость.

Тутъ его бѣсы подъ-ручки, посадили въ уголъ, въ родѣ, какъ у плиты жаркой.

— А что, табачишко найдется? — спросилъ солдатъ бѣсовъ.

— Есть! Сколько хочешь!

— Да, не хочешь-ли папиросовъ?

— Все равно, что есть, то и ладно.

И натащили бѣсы махорки — страсть! Кури, сколько влѣзетъ.

Покурилъ солдатъ хорошо, и вздумалось ему вздремнуть съ пути. Да только это дѣло не сладилось. Стали бѣсы его прижимать: кто за руку дернетъ, кто за ногу, кто коготкомъ погладитъ. Онъ ужъ что-что ни дѣлалъ, нѣтъ, лѣзутъ!

День прошелъ и другой прошелъ, и сталъ пообвыкать солдатъ въ пеклѣ. Табакъ, слава Богу, есть, и опять же тепло, жить можно, и одно только тошно: ужъ очень пристаютъ. И пустился на выдумки, какъ бы такъ оградиться отъ нечистой силы.

Вотъ взялъ солдатъ шнуръ, вынулъ кусочекъ мѣлку, намѣлилъ шнуръ и давай мѣрить пекло.

3.

Сначала-то бѣсы ничего, только подъ руку подталкивали, а потомъ смекнули, должно быть, что затѣваетъ солдатъ неладное, подскочилъ одинъ чертъ...

— Что ты, — говоритъ, — солдатъ, дѣлаешь?

— Развѣ ослѣпъ, не видишь, мѣряю: церкву хочу поставить. У васъ тутъ и помолиться негдѣ.

Какъ бросится чортъ къ главному чорту.

— Дѣдушка, погляди-ка, солдатъ-то что выдумалъ, хочетъ церкву у насъ поставить!

Поднялся самъ, пошелъ провѣрить.

И правда, трудится солдатъ, ползаетъ со шнуркомъ — пекло мѣритъ: хочетъ въ пеклѣ церкву поставить.

— Онъ еще и насъ заставитъ молиться! — захныкали бѣсы.

Ну, сейчасъ же отрядилъ главный бѣсъ пословъ въ небесное царство съ жалобой на солдата.

— Какого солдата прислали въ пекло! Хочетъ церкву поставить! Нешто это возможно, въ пеклѣ — церква!

— А зачѣмъ такихъ къ себѣ принимаете? — сказали въ царствѣ небесномъ.

— Да возьмите его отъ насъ! — просятъ бѣсы.

— А какъ его взять, разъ самъ пожелалъ.

Такъ ни съ чѣмъ и вернулись.

— Что намъ теперь, бѣднымъ, дѣлать, закадитъ, замолитъ насъ солдатъ несчастныхъ! — завопилъ самъ ихъ главный.

Тутъ, откуда ни возьмись, выскочилъ одинъ бѣсенокъ, пискунъ называется, такъ востроносенькій.

— Сдери, — говоритъ, — дѣдушка, съ меня кожицу, натяни барабанъ и пускай съ барабаномъ выйдетъ кто за ворота и забьетъ тревогу. Солдатъ живо самъ уйдетъ.

Вѣдь, какую умную штуку придумалъ, даромъ что и званія-то — пискунъ!

Содралъ дѣдъ съ бѣсенка кожу, натянулъ барабанъ.

— Смотрите жъ, — наказываетъ чертямъ, — выскочитъ солдатъ изъ пекла, и сейчасъ запирайте ворота, а то еще, чего добраго, опять ворвется, и ужъ пропадай съ нимъ!

4.

Забили черти тревогу.

Солдатъ какъ услышалъ барабанный бой, да сломя голову бѣжать изъ ада, всѣхъ чертей распугалъ, словно бѣшеный. Выскочилъ за ворота.

А имъ только того и надо, — ворота хлопъ и заперлися.

Осмотрѣлся солдатъ: никого, и тревоги больше не слышно. Повернулъ назадъ, торкнулся, — заперто. Давай стучать.

— Отворяйте, черти! Ворота сломаю!

А они изъ-подъ воротни только хвостиками помахиваютъ:

— Нѣтъ, братъ, дудки! Ступай, куда хочешь, намъ безъ тебя веселѣе. Не пу-устимъ!

Куда теперь солдату?

Слава Богу, что еще кисетъ съ чертячьей махоркой цѣлъ! Покурилъ солдатъ съ горя и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Шелъ, шелъ и повстрѣчался ему тотъ человѣкъ, такой чудный.

— Куда идешь, солдатъ?

И самъ не знаю. Выперли меня черти.

— Ну, куда-жъ я тебя, УстиновЪ, дѣну? ПослалЪ въ царство небесное — не хорошо, послалЪ въ адЪ, — и тамЪ не поладилЪ.

— Да хоть на часахЪ гдѣ постоять!

— Ладно, становись у тѣхЪ вратЪ, видишь. Да смотри, зря никого не пускай.

А это самЪ Господь былЪ.

СамЪ Господь ко своимЪ вратамЪ небеснымЪ поставилЪ на часы солдата.

ПоблагодарилЪ солдатЪ и пошелЪ, сталЪ на часы.

И вотЪ идетЪ... глазищи выпятила, зубы оскалила.

— Кто идетЪ?

— Смерть.

— Куда?

— КЪ Богу.

— ЗачѣмЪ?

— За повелѣніемЪ, кого морить прикажетЪ.

— Погоди, — остановилЪ солдатЪ, — самЪ пойду, спрошу!

5.

А было повелѣніе отЪ Господа Бога, чтобы три года морила смерть самый старый людЪ.

Солдату жалко, — стариковЪ стало жалко.

ВышелЪ и говоритЪ смерти:

— Ступай, смерть, по лѣсамЪ, грызи три года самый старый дубЪ.

Заплакала смерть:

— И за что Господь такЪ прогнѣвался, — посылаетЪ дубы грызть!

А ослушаться не смѣетЪ, и побрела въ лѣсЪ. И три года шаталась тамЪ, въ лѣсу тамЪ, выбирала вѣковые дубы, подгрызала ихЪ подЪ корень, три года трудилась ночь и день.

Изошли три года, и воротилась смерть кЪ Богу.

— ЗачѣмЪ опять? — остановилЪ солдатЪ.

— За повелѣніемЪ, кого Господь прикажетЪ морить.

— Погоди, я самЪ пойду.

И было повелѣніе отъ Господа Бога три года морить смерти молодой народъ.

А солдату жалко: братьевъ вспомнилъ, — вѣдь, всѣхъ ихъ уморитъ смерть.

Вышелъ и говоритъ смерти:

— Ступай назадъ, три года точи молодые дубки. Такъ Господь приказалъ.

Заплакала смерть:

— И за что, Господи, на меня гнѣваешься!

А ослушаться нельзя: не по своей волѣ смерть смертью по міру ходитъ, не сама беретъ, а повелѣнное. И побрела въ лѣсъ и три года точила молодые дубки, измаялась.

Изошли три года, вернулась смерть за повелѣніемъ.

И въ третій разъ не допустилъ ее солдатъ, самъ пошелъ.

А было повелѣніе отъ Господа Бога три года морить смерти младенцевъ

Жалко солдату, — ребятишекъ жалко.

И велѣлъ солдатъ смерти итти опять въ тотъ самый лѣсъ, три года по кустикамъ лазать, заячью долю ѣсть.

— Господи, за что Ты меня мучаешь! — заплакала смерть, а пошла, и три года по кустамъ питалась листьями, извелась вся: извѣстно, не заяцъ, на листочкахъ-то долго не продержишься!

Идетъ... едва ноги передвигаетъ. Вѣтеръ подуетъ — такъ отъ вѣтру и валится.

„Ну, — думаетъ, — расцарапаюсь съ солдатомъ, а дойду сама до Господа Бога. Девять годовъ Онъ меня наказуетъ!“

Солдатъ окликнулъ.

Молчитъ, лѣзетъ на крыльцо.

Тутъ солдатъ ее за горбушку. А та его косяшкой. И такой поднялся шумъ, не дай Богъ.

6.

И выходитъ тотъ самый человѣкъ, такой чудный.

— Что такое?

А это самъ Господь былъ.

Упала смерть Ему въ ноги.

— Господи! За что на меня прогнѣвался? Девять годовъ я мучаюсь, по лѣсамъ таскаюсь: три года вѣковой дубъ грызла, три года дубки точила, три года глодала листики.

А солдатъ винится: проститъ его Господь, очень ужъ жалко ему народа!

И повелѣлъ Господь девять годовъ носить солдату смерть на закоркахъ, кормить орѣхомъ, чтобы смерть поправилась.

И тотчасъ смерть такъ и сѣла верхомъ на солдата.

А солдатъ — дѣлать нечего, Божье повелѣніе! — встряхнулъ ее и повезъ. Уже возилъ онъ ее, возилъ по лѣсу, у орѣшенья, нажралась смерть орѣхами.

— Вези, — кричитъ костлявая, — прокати меня, солдатъ, по дубравушкѣ! — и залопотала что-то по своему, пѣсню, что-ли смёртную.

Пѣсня-то пѣсней, Богъ съ нею, пускай себѣ, да трудно съ такою ношей, а крѣпится — повелѣнное надо исполнить.

Пріостановился солдатъ, вытащилъ изъ-за голенища кисетъ, закурилъ.

Увидала смерть.

— Солдатъ, дай и мнѣ покурить!

А солдатъ ей кисетъ, — развязалъ.

— Полѣзай, — говоритъ, — и кури, сколько хочешь.

Извѣстно, смерть въ чемъ-въ чемъ, а на счетъ табаку плохо, и что и къ чему, ничего тутъ не понимаетъ.

И юркнула въ кисетъ.

А солдатъ, не будь дуракъ, закрутилъ кисетъ, да за голенище. И ужъ налегкѣ пошелъ опять ко вратамъ небеснымъ, сталъ на часы, какъ ни въ чемъ не бывало.

И идетъ тотъ самый человѣкъ, такой чудный, увидѣлъ солдата.

— А смерть гдѣ?

— Со мной.

— Гдѣ съ тобой?

— Да за голенищемъ.

— А ну, покажи?

Солдатъ мнется: выскочитъ смерть изъ кисета, засядетъ на закорки и опять носи ее.

— Покажи, я тебя прощаю.
СолдатЪ вытащилЪ кисетЪ, развязалЪ.
А смерть — у! такЪ и скаконула на него, да прямо на плечи.
— У, солдатикЪ!
И повелѣлЪ Господь БогЪ смерти уморить солдата.
Соскочила смерть на землю.
— Ну, солдатЪ, слышалЪ?
— СлышалЪ, такая воля Божья! Стало быть, помирать надо.
ТутЪ его смерть и уморила.

1914 г.

За русскую землю.

Вечеромъ на Невскомъ встрѣтилъ я новобранцевъ. Изъ трамвая я ихъ увидѣлъ. Очень ихъ много было — цѣлый полкъ, и такіе все молодцы — одинъ къ одному, въ новенькихъ полушубкахъ и шапкахъ барашковыхъ.

Кто-то изъ трамвайныхъ сосѣдей моихъ сказалъ, что это ратники, а гонятъ ихъ издалека.

А какъ они шли ходко и твердо!

Двѣ молодыя бабы едва поспѣвали, бабы бѣжали о-бокъ. Что говорить, подъ стать мужьямъ, такія же. Но какъ онѣ бѣжали и, кажется, будь у нихъ крылья, онѣ полетѣли бы! И глаза такіе, ну, какъ изъ сказки, у Василисы, глаза, какъ колодцы.

Я соскочилъ съ трамвая. Весь полкъ пропустилъ. Перешелъ на тротуаръ и съ другими прохожими, — всѣ мы очень торопились, — нагналъ у Литейнаго средніе ряды.

А какъ они шли ходко и твердо!

Никогда не забуду, какъ у Аничкова моста одинъ вышелъ изъ ряду. И Василиса остановилась.

Пусть же будетъ для нихъ этотъ каменный мостъ калиновымъ — счастливый! — и они поцѣловались.

Не оглядываясь, побѣжалъ онъ догонять товарищей, а она пошла назадъ. И все оглядывалась. Пройдетъ немного и огля-

нется, и опять идетъ, и опять оглянется. И ужъ за трамваями скрылись казенныя повозки съ сундуками, и въ вечернемъ сыромъ туманѣ лишь вспыхивали огоньки фонарей трамвайныхъ, а она все оглядывалась, точно и сквозь туманъ непроглядный видѣла, и не могла не оглянуться, не могла наглядѣться...

Оттого ли, что кормилицей моей была солдатка... и вотъ я почувствовалъ отъ ея слезъ горькихъ такъ близко всю горечь разлуки. Я словно вспомнилъ и тѣ часы, когда она, захлебнувшись отъ слезъ, меня кормила, и тѣ ночи, когда я кричалъ отъ ея затаенной тоски.

У Знаменья Василису встрѣтила закутанная въ клѣтчатый платокъ старуха въ старенькомъ полушубкѣ, — это его мать. Не угнаться было за сыномъ, и съ вокзала дошла она до Знаменья, тутъ и поджидала.

И я видѣлъ, какъ обѣ стали передъ образомъ, тутъ за оградой, и какъ старуха-мать, кладя крестъ своей землистой темной рукой, долго и крѣпко держала сложенные для крестнаго знаменія пальцы на темномъ, какъ родимая земля, изборожденномъ лбу, — къ Знаменію, послѣдней заступающей защитѣ... къ кому-же ей обратиться въ ея горькой разлукѣ? — помиловать просила, еще разъ увидѣть сына и ужъ навѣки закрыть глаза, отъ земли уйти въ родимую землю, за которую шелъ умирать ея сынъ.

И потомъ я видѣлъ, какъ онѣ переходили площадь мимо памятника къ вокзалу и какъ старуха-мать вдругъ обернулась и истово перекрестила вслѣдъ великимъ благословеніемъ своимъ на жизнь и смерть — сама земля наша сына своего.

Какъ-то вечеромъ выбрался я по сосѣдству къ знакомымъ. Съ войны у нихъ не былъ, а раньше, приходилось, засиживался и за полночь, и помню, запала мнѣ одна особенность ихъ дома: встрѣчалъ меня всегда швейцаръ — молодой такой толковый парень Иванъ, а выпускала жена его Ольга. И это, какъ мнѣ однажды объяснили, такой ужъ завелся распорядокъ у нихъ: они недавно женаты, и вотъ Ольга, чтобы не будить мужа: — ему, вѣдь, цѣлый день у двери дежурить! — сама по ночамъ вставала отворять дверь.

Какая трогательная заботливость! Оба молодые, оба здоровые — какъ берегли другъ друга!

И мнѣ запомнилось: Иванъ да Ольга.

Противъ обыкновенія, у дверей никого не оказалось, и я самъ поднялся на лифтѣ. Я себѣ объяснилъ это тѣмъ, что по нынѣшнему времени мало ли какой случай: — въ домѣ былъ лазаретъ, — и всегда могли куда-нибудь услать Ивана. Не засиживаясь поздно, ушелъ я изъ гостей во-время, и, хотя еще былъ часъ до полночи, у дверей я встрѣтилъ не Ивана, а Ольгу. И сразу не узналъ: въ черномъ платочкѣ и какая-то красная, не похожая на Ольгу Зазнобину.

Тутъ только я понялъ, — конечно, Иванъ на войнѣ!

— Что-жъ, Иванъ, — спросилъ я, — пишетъ съ войны?

Ольга, не отвѣчая, пошарила гдѣ-то у себя на груди и подала открытку.

И мнѣ сразу бросилось — съ краснымъ крестомъ штемпель и число... совсѣмъ на-дняхъ!

„Дорогая Оля! Пишу Вамъ неприятный приветъ, что Ивана Зазнобина убили ружейнымъ огнемъ въ правый гласъ на пруцкой границе у города Гостиннова, больше писать нечего“.

— Не помиловалъ Господь! — сказала Ольга и посмотрѣла, какъ тамъ, на мосту Василиса, нѣтъ, не такъ...

Мнѣ хотѣлось сказать ей... но увидѣвъ эти глаза — какъ она посмотрѣла: „не помиловалъ!“ — я вернулъ ей открытку и пошелъ...

1914 г.

Бѣлая пасха.

Какъ настанетъ на Поморьѣ тёмно время холодное съ трескунами морозами — нѣтъ конца зимы. А придетъ Спиридонъ, станутъ дни прибывать на овсяно зерно, тутъ поднимется вѣтеръ и дуетъ и дуетъ, а за вѣтромъ — бѣлая кутня съ виньгомъ, со свистомъ, какъ закуделитъ: глазъ раскрыть не моги!

Попъ Вакулъ съ дьячкомъ Яковомъ только и знай, что печку топили. Да дрова-то попались не колки. Ужъ Яковъ языкъ отъ колокола отвязалъ, языкомъ по обуху колотилъ, такъ дрова и кололъ.

Печь ли жаркая, кутня ли бѣлая, выбили изъ ума дни у попа.

„Посту-то надо быть конецъ, — думаетъ Вакулъ, — а когда Пасха, Господь вѣдаетъ!“

И посылаетъ дьячка.

— Сходи, — говоритъ, — Яковъ, къ попу Аникѣ на за-рѣку, спроси, когда Пасха?

А попъ Аника — за десять верстъ отъ Вакулы, и дѣло его ни чуть не лучше: до церкви не дойти, за снѣгъ запнешься. Попъ Аника о ту пору самъ задумался и своего дьячка шлетъ къ Вакулѣ за тѣмъ же.

Вотъ на полпути Яковъ и встрѣтилъ кума. И что имъ дѣлать, не знаютъ. Стали посередь дороги, смотрятъ, гдѣ на деревнѣ печь топится, и рѣшаютъ итти на дымокъ, спросить, не знаетъ-ли кто изъ крещеныхъ. Идутъ по деревнѣ, а ужъ въ вечеряхъ было, и видятъ, старуха Савиха молока крынку тащитъ.

— Бабушка, куда съ молокомъ-то бѣжишь?

— Что вы, дѣточки, вѣдь, завтра Пасха!

Кумъ — къ Аникѣ, Яковъ — къ Вакулѣ.

Пришелъ Яковъ, а ужъ ночь.

— Батюшка, завтра Пасха, пора къ заутренѣ звонить.

Всполошился Вакулъ.

— Бѣги скорѣй, звони!

Яковъ бѣгомъ на колокольню, хвать, а у колокола языка нѣтъ. Эка напасть! Слѣзъ съ колокольни, взялъ лопату и давай у овина, гдѣ дрова кололъ, снѣгъ разрывать. И пока-то искалъ языкъ, да нашелъ, да привязалъ, стало свѣтать.

Тутъ и народъ понабрался, свѣчи зажгли — огоньки пасхальные.

Взялъ Вакулъ крестъ, — руки стынутъ, — и сталъ градить крестомъ.

— Христосъ воскресъ!

И запѣли по пасхальному.

А на волѣ кутня куделитъ, заливается со свистомъ, съ виньгомъ, валитъ бѣлыя сугробныя забо̀йни.

— Христосъ воскресъ!

Слушаетъ Савиха, красный огонекъ свѣчи колыбается, вспоминаетъ бабушка...

„Гдѣ-то дѣточки горемычные?“

И словами старыми молитъ и проситъ за родимое Поморье, за землю крещеную.

— Христосъ воскресъ!

По пустынному Поморью глубоки снѣги.

1915 г.

ЗЕМНЫЯ ТАЙНОСТИ.

Хлѣбный голосъ.

Жилъ-былъ царь. И какъ не стало царицы, царь и призадумался: и то худо, что царицы нѣтъ, да на то воля Божья, и опять-же хозяйство на рукахъ и не малое, надо кому распорядиться, надо и гостей принять честно, да чтобы все было, какъ у людей есть, а ему на старости лѣтъ дай Богъ съ царствомъ-то управиться.

А было у царя три сына, всѣ трое женаты, при отцѣ жили. Вотъ царь и призвалъ къ себѣ снохъ, и старшую и середнюю и младшую, и рѣшилъ испытать, кому изъ нихъ большухой быть.

— Какой, — говоритъ, — голосъ дальше слышенъ?

Старшая думала, думала, — какой голосъ?

— Да вотъ, — говоритъ, — батюшка, намедни бычокъ за Москва-рѣкой рычалъ, такъ у Андроньева на обѣднѣ слышно было.

— Эка, дурёха! — отставилъ царь старшую сноху и къ середней: — какой голосъ дальше слышно?

— Пѣтухъ у насъ, батюшка, седни пѣлъ по утру, а въ Соколинкахъ у мамушки слыхали, Софоровна сказывала.

Царь только бороду погладилъ: ну, чего съ такой спросишь? — и къ младшей:

— Какой голосъ дальше слышно?

— Не смѣю, батюшка, сказать, сами знаете.

— Какъ такъ, говори, не бойсь.

— Хлѣбный голосъ дальше слышно.

— Какой такой хлѣбный?

— А такой, батюшка, если кто хорошо кормитъ, да голоднаго не забываетъ, накормитъ, согрѣетъ, утѣшитъ, про того далеко слышно.

— Ну, — говоритъ царь, — умница ты, Поля, по-русски сказала, такъ и будь ты большухой.

— И пошло съ эгихъ поръ на Руси — хлѣбный голосъ всѣхъ дальше слышенъ.

1914 г.

Голъ-камень.

Шли двѣ богомолки къ святымъ мѣстамъ помолиться, пристала къ нимъ третья, — баба какъ баба, а голосъ мужичій, все словно съ дубу рветъ, и ни разу въ дорогѣ не перекрестилась.

Шли, шли, стали къ монастырю подходить, а эта самая ихъ товарка, Богъ ее знаетъ, отстала. Оглянулись богомолки, что больно долго, а та себѣ въ землю грязнетъ: что ни ступитъ, то дальше уходитъ, и ушла по поясъ.

Богомолки со страха пятиться, — пятились, пятились, да задомъ и побѣжали, добѣжали до монастыря, схватили монаха, да съ монахомъ назадъ.

— Кайся, окаянная, что ты сдѣлала!

А та себѣ грязнетъ, едва языкомъ воротитъ.

— ... и мѣсяцъ не разъ скрадывала, я людей портила! — больше языкъ ужъ не повернулся.

— Будь ты отнынѣ и до вѣку анафема проклята! — какъ крикнутъ, она и пошла сквозь землю, да съ гуломъ, да съ шумомъ.

И на томъ самомъ мѣстѣ голъ-камень оказался, проклятое мѣсто.

1914 г.

ПчелякЪ.

У пчеляка пчелЪ было пропасть, тысячи пеньковЪ стояло, а лошадь не водилась. А у лошевода, его сосѣда, лошадей сколько хочешь — отличные кони, а пчелЪ и вЪ заводѣ нѣтЪ.

РазЪ сосѣдЪ сЪ сосѣдомЪ и разговорились:

— Скажи пожалуйста, почему у тебя лошадямЪ водЪ, а у меня нѣтЪ?

А тотЪ ему:

— Скажи ты, почему у тебя пчелы, а у меня нѣтЪ, тогда и я скажу.

РазговорЪ-то зашелЪ мирно, да оба сЪ норовомЪ — не уступаютЪ. Перекорялись, перекорялись, пчелякЪ первый сдался:

— Изволь, я скажу.

И повелЪ сосѣда на пчельникЪ, привелЪ вЪ избенку, положилЪ меду полную тарелку, да вЪ подпечекЪ и сунулЪ.

И выскаканула оттуда лягушка и ну медЪ ѣсть, и все сЪѣла, всю тарелку до-чиста облизала, да опять назадЪ все вЪ подпечекЪ и отрыгнула. И стало лягушку раздувать, больше да больше, и стала лягушка сЪ быка.

— Полѣзай ей вЪ ротЪ!

— НѣтЪ, не полѣзу! — испугался лошеводЪ.

— Полѣзай, а то пропадешь!

— Не полѣзу!

— Не полѣзешь? — пчелякЪ за ножЪ, лошевода колоть.

— Стой! — кричитЪ лошеводЪ, — теперь я скажу тебѣ, отчего у меня лошадямЪ водЪ.

Да скорѣе сЪ пчельника и повелЪ пчеляка кЪ своему гумну.

— Отчего же у тебя лошадямъ водъ?

— А оттого, что лошадушекъ моихъ кормлю: по десять фунтовъ муки замѣшиваю да полмѣры овса даю.

— Этакъ-то я и безъ тебя знаю, еще бы лошади не водились, коли ихъ кормить!

— А ты какъ-же думалъ, что не кормя можно?

Ну, на это сказать нечего, и ушелъ пчелякъ къ себѣ на пчельникъ.

1914 г.

Урвина.

Дѣвки устроили съ парнями вечеринку. И началось неладомъ: однѣ дѣвки своихъ парней больше пригласили, что любы имъ были, а тѣхъ не пригласили, которые другимъ были любы, ну, и разожглись другъ на друга. И хоть съ виду и помирились, и пошло, какъ ни въ чемъ, веселье — плясъ и смѣшки, и хихиньки, да въ сердцѣ-то затаили.

Однѣ дѣвки своимъ парнямъ пѣсни поютъ, другія — своимъ, парни пьютъ да дѣвокъ потчуютъ. А какъ подпили, ужъ все перемѣшалось, только стонъ стоитъ. И чего-чего не вытворяли, на какія выдумки не пускались, а все будто мало.

Тутъ сердце-то и заговорило: одна обиженная дѣвка и пришепни счастливой, а той — море по-колѣно. Подговорила та свою подругу, одѣлись, да тихонько изъ избы и вышли. И — вѣдь что придумать! — на кладбище пошли дѣвки, вынули тамъ двухъ мертвецовъ изъ общей могилы, завернули мертвецовъ въ рогожи, да на своихъ косахъ и приволокли въ избу, да за печку ихъ и поставили.

А сидѣла на печкѣ дѣвченка Машутка и все видѣла, — испугалась дѣвченка мертвецовъ-то, молчитъ, прижалась въ уголокъ, сердешная.

Дѣвки вошли въ горницу, посмѣиваются, а никому и не въ догадъ, что тамъ за печкой, какіе такіе гости пожаловали.

Ужъ стали мертвецы пошевеливаться.

— Что, братъ, разогрѣваешься?

— Разогрѣваюсь, братъ.

— И я, братъ, разогрѣваюсь.

Машутка-то на печкѣ не пикнетъ, а вся изба, ей горя нѣтъ, пляшетъ, ой, весело!

Въ самую полночь дѣвка обиженная, что на такое дѣло надоумила, и говоритъ подругамъ счастливымъ:

— Спойте вашимъ молодцамъ пѣсенку, да повеселѣй, плясовую! — сама подмигиваетъ: понимай, какимъ молодцамъ запечнымъ!

Дѣвки и запѣли пѣсню веселую. И проняла до сердца мертвецовъ пѣсня: мертвецы вдругъ стали огненные, какъ головни горящія, языки высунули, изо рта пламя пошло, жупелъ, а сзади вытянулись, помахиваютъ собачьи хвосты.

Какъ ихъ въ пѣснѣ-то стали величать, какъ они изъ-за печки-то выскочатъ, да въ горницу, и давай плясать по-своему и кривляться, и ломаться, и кувыркаться, да дѣвокъ и парней лягать, пламенемъ, жупеломъ палить, да за бороду да за косы рвать.

Куда тебѣ и хмель вонъ, ноги подкосились: кто гдѣ стоялъ, такъ тутъ ничкомъ и грохнулся.

А мертвецы, знай, пляшутъ, не могутъ стать — дали имъ волю, и рады бы, не могутъ, пляшутъ — половицы вонъ изъ полу летятъ, посуда прыгаетъ, все вдребезги, все въ черепки.

До пѣтуховъ мертвецы плясали и, какъ запѣлъ пѣтухъ, такъ сквозь землю и провалились, инда земля застонала.

По утру пришелъ народъ, смотрятъ — кто безъ головы, кто безъ руки, кто безъ ноги, кто безъ бороды, кто безъ косы, и всѣ мертвы, а посреди избы — урвина, сама бездонная, дна не достать.

А Машутку сняли съ печки, едва откачали дѣвченку: и! напугалась-то какъ, сердешная! Машутка про все и разсказала.

1914 г.

Кабачная кикимора.

1.

Кабакъ стоялъ на юру у оврага, оврагъ осыпался, и кабакъ чуть лѣпился на оврагѣ. Дважды въ недѣлю въ селѣ были большіе базары, и въ кабакѣ шла большая торговля. Да цѣловальникъ не долго сидѣлъ въ кабакѣ, живо проторговывался: находили недочетъ, а, главное, большую усышку вина и разсыропку. Въ откупной конторѣ много было толку о кабакѣ, и странно было, что всѣ цѣловальники разсказывали одно и то же, какъ ровно въ полночь кто-то въ кабакѣ вино цѣдитъ, когда-же зажигали свѣчку, видѣли вродѣ хомяка — хомякъ бѣгъ отъ бочки и прямо подъ полъ, въ нору. Кабакъ перестали сымать, и даже даромъ, безъ залогу, никто не сымалъ, кабакъ стоялъ заброшенъ.

Одинъ пьянчужка, не разъ штрафованный и пойманный въ пріемѣ краденаго, промотался и попалъ въ большую крайность, а былъ онъ человѣкъ семейный, не глупый и отчаяная голова. Ему-то откупъ и предложилъ кабакъ. Пьянчужка согласился: все лучше, чѣмъ ходить изъ кабака въ кабакъ.

Въ первую же ночь цѣловальникъ заготовилъ свѣчку, спичекъ, положилъ топоръ на стойку, выпилъ полуштофъ и завалился спать.

— Теперь хоть самъ чортъ приходи, никого не боюсь! — и заснулъ.

И слышитъ цѣловальникъ, кто-то цѣдитъ изъ разливной бочки, зажегъ свѣчку, топоръ въ руки, осмотрѣлся и — къ бочкѣ.

Видитъ, печати цѣлы и только кранъ полуотворенъ. Постукалъ топоромъ въ бочку — звукъ не тотъ, вина, стало-быть, меньше; сорвалъ печать, накинулъ мѣрникъ, — такъ и есть: трехъ ведеръ, какъ не бывало.

— Чортъ что-ли отлилъ! Коли чортъ, покажись! Я чертей не боюсь, до чортиковъ не разъ допивался, не привыкать стать видѣть вашего брата! — и ужъ протакàялъ такъ, какъ душѣ хотѣлось.

Подъ поломъ раздался трескъ, — стала половица поворачиваться и стало изъ-подъ пола дерево выростать. Все растетъ и растетъ — сучья, вѣтви, листья, все выше и шире, ужъ закрываютъ кабакъ и склонились надъ головою.

Цѣловальникъ взмахнулъ топоромъ и ну рубить.

— Такъ, братъ, вотъ какъ по-нашему! Я тебѣ удружу.

Вдругъ топоръ словно во что воткнулся — нѣтъ возможности сдвинуть: чья-то рука удерживала топоръ.

— Пусти меня! — цѣловальникъ не струсилъ, — знаю, чортъ, пусти! Я рубить буду!

И слышитъ, надъ самой головой кто-то тихо такъ и кротко:

— Послушай, любезный, не руби! Это — я.

— Да ты кто?

— Мы съ тобой будемъ друзьями, и ты будешь счастливъ.

— Да кто ты? Говори толкомъ! И топоръ пусти, выпить хочу.

— Ну, братъ поднеси и мнѣ.

— Да какъ же я тебѣ поднесу, коли тебя не вижу!

— Ты меня никогда не увидишь... впрочемъ, когда прощаться буду, можетъ, покажусь.

— Правду говоришь?

— Давай выпьемъ, потомъ и поговоримъ.

— Ну пусти-жъ топоръ.

Топоръ высвободился.

Цѣловальникъ зашелъ за стойку, взялъ штофъ и хотѣлъ наливать.

— Послушай, любезный, — остановилъ его голосъ, — ты много не пей. Для насъ довольно и полуштофа. Возьми вонъ тотъ, у него донышко проверчено, въ немъ, братъ, вино хорошее, не испорчено еще.

— А ты откуда знаешь? Я самъ принималъ посуду: всѣ полуштофы были цѣлы.

— А ты ходилъ отпускать вино-то мужику?

— Ходилъ.

— Тебѣ нарочно дистаночный и подмѣнилъ полуштофъ, чтобы напередъ узнать, будешь ли здѣсь мошенничать.

Цѣловальникъ взялъ полуштофъ, посмотрѣлъ передъ свѣчкой — и въ правду, на днѣ дырка проверчена, воскомъ залѣплена.

— Ну, чортова образина, теперь ужъ я вѣрю, что ты чортъ.

— А ты не ругайся, друзьями будемъ. Угости лучше!

Цѣловальникъ налилъ два стакана, свой выпилъ, — самъ скосился, что будетъ — другой стаканъ поднялся и такъ въ воздухѣ и опрокинулся, будто его кто пилъ, и такъ сухо, что и капли не осталось, только кто-то крякнулъ:

— Ну, братъ, спасибо за угощенье.

— Спасибо-то, спасибо, а ты мнѣ разскажи, кто ты.

— Разскажу потомъ. А теперь слушай: всякій день въ полдень и въ полночь ставь въ чело на заслонку стаканъ вина, да на меду лепешку. Этимъ я и буду кормиться, а ты себѣ торгуй. И не бойся ни повѣренныхъ, ни дистаночныхъ, ни подсыльныхъ, я буду предупреждать: за версты узнаешь, кто ѣдетъ и кто подосланъ. Ложись и спи. Да образовъ, пожалуйста, не ставь, да и молебны не служи. А какъ я отсюда черезъ годъ уйду — отъ кабака до кабака скитаюсь, вотъ я какой! — такъ и ты выходи, а то худо будетъ. Слышалъ?

— Слышалъ.

— Такъ и поступай.

Цѣловальникъ выпилъ еще стаканъ и легъ.

А дерево стало все меньше и меньше, ниже и ниже, и скрылось подъ поломъ, и половица опять легла на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало.

И свѣчка погасла.

2.

На другой день былъ базаръ.

Цѣловальникъ по утру всталъ рано. Торговля открылась хорошая, и онъ полупьяный, торговалъ цѣлый день, и ни въ

чемъ не обсчитался. Къ вечеру провѣрилъ выручку и смекнулъ, что лучше торговать и не придумаешь, а что ночью тотъ ему говорилъ, онъ все исполнилъ: не забылъ угостить и въ полдень и въ полночь и виномъ и лепешкой.

Съ этого дня цѣловальникъ торговалъ всѣмъ на зависть. Никогда онъ не попадалъ подъ штрафъ, а продавалъ вино разсыропленное, онъ всегда зналъ, кто изъ дистаночныхъ или повѣренныхъ пріѣдетъ къ нему за провѣркой, и былъ наготовѣ.

Диву давались ловкости его, а больше тому, что хоть пилъ, а пьянъ не напивался.

Прошелъ годъ.

И вотъ въ годовую полночь, когда цѣловальникъ, по обыкновенію, спалъ себѣ мирно на стойкѣ, вдругъ по кабаку голосъ:

— Прощай, братъ. Ухожу. Завтра и ты выходи!

— Ну, что-жъ! — цѣловальникъ поднялся, — ты мнѣ все-таки покажись!

— Возьми ведро воды и смотри.

Цѣловальникъ взялъ ведро, зажегъ свѣчку и сталъ смотрѣть на воду. И увидѣлъ, прежде всего, себя, ну, лицо извѣстное, и долго только это одно и видѣлъ, инда въ глазахъ зарябило, и какъ-то вдругъ съ лѣваго плеча увидѣлъ другое, — черноглазый, чернобровый и, какъ мѣлъ, бѣлый, а въ щекахъ словно розовые листочки врѣзаны.

— Видишь?

— Вижу.

Кто-то вздохнулъ, и все пропало.

И всю ночь въ трубѣ былъ вопъ и плачъ.

3.

Цѣловальникъ на утро не ушелъ, а, какъ всегда, отворилъ кабакъ — хотѣлъ еще зашибить копѣйку. Но попался: нагрянулъ дистаночный и жестоко оштрафовалъ.

Тутъ только онъ схватился и сейчасъ же сдалъ должность.

И ужЪ больше не цѣловальникЪ, купилЪ онЪ на награбленныя деньги постоялый дворЪ, переставъ пить и сдѣлался набожнымЪ человѣкомЪ.

1914 г.

МагнитЪ-камень.

Шелъ улицей старецъ по духовному дѣлу и повстрѣчалъ молодыхъ: парня съ молодой хозяйкой. Заглядѣлся старецъ на молодуху, — сколько жилъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, сколько видывалъ всякихъ, а такой не видѣлъ.

— Гдѣ, добрый молодецъ, ты такую красавицу взялъ?

— Господь далъ, дѣдушка.

— Можетъ ли это быть... Дай-ка я помолюсь, дастъ ли?

— Дастъ и тебѣ, дѣдушка.

Съ тѣмъ и попрощались. Молодые пошли по своимъ дѣламъ, а старецъ повернулъ въ свое скитное мѣсто.

И круглый годъ молился старецъ Богу, просилъ Бога дать ему такую красавицу, какъ тому встрѣчному счастливому парню. А былъ старецъ великой вѣры, и молитва его была горяча и чиста и неустанна.

Случилось о ту пору, задумалъ царь царевну замужъ выдавать и кликнулъ царь кличъ по всему царству, чтобы охотники ко дворцу явились смотрѣть царевну. А была царевна такая красавица, краше ея и не было.

Дошелъ кличъ и до старца. Въ послѣдній разъ помолился старецъ и вышелъ изъ своего скитнаго мѣста и прямо къ царскому дворцу. Подходитъ къ воротамъ и просится въ палаты съ царемъ поговорить. Доложили часовые, и велѣлъ царь пустить къ себѣ старца.

Палъ старецъ передъ царемъ на колѣни.

— Что ты, дѣдушка? — спрашиваетъ царь.

А старецъ подняться самъ ужъ не можетъ, старъ очень.

Поднялъ его царь, усадилъ съ собой. Отдышался старикъ.

— Ну, что же ты, дѣдушка?

— Да вотъ наслышался про вашу дочку-царевну, свататься пришелъ. Отдадите или нѣтъ?

Слушаетъ царь, ушамъ не вѣритъ. Что за притча? Сперва-то даже страшно стало: не указаніе ли какое? Сталъ распрашивать старика, откуда онъ и какой жизни. И разсказалъ ему о себѣ старецъ, какъ отъ юности своей ушелъ онъ отъ міра и въ чистотѣ прожилъ въ трудахъ скитскихъ.

Видитъ царь, старикъ жизни хорошей, и говоритъ ему:

— Послушай, Ѳедосей, человѣкъ ты толковый, до такихъ лѣтъ дожилъ, дай Богъ каждому, самъ ты понимаешь, ну куда тебѣ жениться?

А старикъ одно свое заладилъ, и ничѣмъ его не собьешь и никакимъ словомъ не остановишь: пришелъ царевну сватать, да и только.

— Я съ дочери воли не снимаю, — говоритъ царь, — ступай къ ней: какъ она скажетъ, такъ и будетъ.

Простился старецъ съ царемъ, и провели старика къ царевнѣ въ палату.

— Что тебѣ, дѣдушка надо? — спросила царевна.

— Да вотъ сватать васъ пришелъ. Пойдете или нѣтъ?

Переглянулась царевна съ сестрами и говоритъ:

— Подумаю, — говоритъ, — выйдите на немного въ прихожую.

Вышелъ старецъ. Стоитъ у двери, дожидается, а самъ думаетъ: „Господи, неужели по молитвѣ моей не дастся мнѣ!“ — и вспоминаетъ, какъ тотъ парень сказалъ: „Дастся и тебѣ!“

А ужъ отъ царевны требуютъ.

— Ну, что, царевна?

— Я пойду за тебя, — говоритъ царевна, — дай только отсрочки съ добромъ справиться!

А сестры ея тутъ же стоятъ и смѣются.

— А сколько, царевна?

— На три года.

— На три года! Да я до той поры умру, царевна. Нѣтъ либо нынче, либо завтра свадьба.

— Ну, хоть на два года, — проситъ царевна.

Старикъ не сдается.

— Ну, хоть на годъ!

— На три недѣли, царевна.

— Ладно, — согласилась царевна, — только такъ просто я за тебя не пойду, а достань ты мнѣ магнитъ-камень, тогда и пойду.

А сестры ея тутъ же стоятъ и смѣются.

Попрощался старецъ съ царевной и пошелъ себѣ изъ дворца.

Не то, что достать, а онъ съ роду родовъ не видывалъ, какой это магнитъ-камень.

Вышелъ старецъ въ чистое поле, стоитъ и повертывается на четыре стороны.

— Господи, даешь мнѣ царевну, а гдѣ я магнитъ-камень найду?

И видитъ, въ сторонѣ лѣса чуть огонекъ мигаетъ. И пошелъ онъ на огонекъ. Шелъ, шелъ, — а тамъ келейка стоитъ. Постучалъ — не отзываются, отворилъ дверь — нѣтъ никого. И вошелъ въ келейку, присѣлъ на лавку, сидитъ и думаетъ:

„Гдѣ же я магнитъ-камень найду?“

И отвѣчаетъ ему ровно бы человѣчьимъ голосомъ:

— Эхъ, Ѳедосей, выпусти меня, я тебѣ магнитъ-камень достану.

— Кто ты?

— Все равно не поймешь, зачѣмъ тебѣ.

— Гдѣ же ты сидишь?

— Въ рукомойникѣ; выпусти, пожалуйста.

Старикъ думаетъ, чего же не выпустить, коли магнитъ-камень достанетъ! Да насилу отыскалъ рукомойникъ: отъ старости-то очень глазами слабъ сталъ.

И выпустилъ, — словно что-то выскользнуло, — не то мышь, не то гадъ.

Бѣсъ разлетѣлся съ гуся и улетѣлъ.

„Ну, — хватился старикъ, — чего это я надѣлалъ“!

А ужъ тотъ назадъ летитъ, и камень въ лапахъ.

— Вотъ тебѣ, получай!

Осмотрѣлъ старецъ камень, потрогалъ, — вотъ онъ какой магнитъ-камень! А самъ себѣ думаетъ: „Какъ же такъ, освобо-

дилъ онъ нечистую силу, и за то въ отвѣтѣ будетъ!“ И говоритъ бѣсу:

— Вотъ ты такой огромный, гусь, а залѣзъ въ такую малую щёлку?

А бѣсъ говоритъ:

— Да я, дѣдушка, какимъ хочешь могу сдѣлаться!

— Ну, сдѣлайся мушкой.

И вотъ бѣсъ изъ гуся сталъ вдругъ мухой, самой маленькой мушкой.

Старецъ инда присѣлъ: не упустить бы.

— Пожужжи!

Бѣсъ пожужжалъ.

— Ну, полѣзай теперь на старое мѣсто, а я посмотрю, какъ это ты туда пролѣзешь...

Тотъ съ дуру-то и влѣзъ. Влѣзъ, а старецъ его и зааминилъ.

Не съ пустыми руками, съ камнемъ — съ магнитомъ-камнемъ пришелъ старецъ къ царевнѣ.

— Вотъ тебѣ царевна, — и показываетъ камень.

Посмотрѣла царевна: магнитъ камень!

— Ну, стало быть, судьба моя, собирайся вѣнчаться.

А старецъ и говоритъ:

— Нѣтъ, царевна. Куда мнѣ? Я годъ молился. Я только Господа исповѣдалъ. И теперь вижу, и больше мнѣ ничего не надо. Прощай царевна.

И пошелъ въ свое скитное мѣсто, доживать въ трудахъ послѣдніе дни.

1914 г.

Яйцо ягиное.

1.

Баба-яга снесла яйцо.

Куда ей? — не курица, сидѣть нѣтъ охоты. Завернула она яйцо въ тряпицу, вынесла на заячью тропку, да подъ кустъ. Думала, слава Богу, сбыла, а яйцо о кочку кокнулось — и вышелъ изъ него дѣтенышъ и заоралъ. Дѣлать нечего, забрала его Яга въ лапища и назадъ въ избушку.

И росъ у нея въ избушкѣ этотъ самый сынъ ея ягиный.

Ну, тутъ трошка-на-одной-ножкѣ и всякія соломины-воромины и гады, и птицы, и звѣри, и сама старая лягушка хромая принялись за него во-всю — и учили, и ладили, и тесали, и обламывали, и вышелъ изъ него не простой человѣкъ — Балдахалъ-чернокнижникъ.

А стоялъ за лѣсомъ монастырь и спасались въ немъ святые старцы, и много отъ нихъ Ягѣ вреда бывало, а Яга-баба на старцевъ зубъ точила.

И вотъ посылаетъ она свое отродье.

— Пойди, — говоритъ, — въ Залѣсную пустынь, намыль голову шахлатымъ, чтобы не забывались!

А ему это ничего не стоитъ, такое придумаетъ — не поздоровится.

И вотъ, подъ видомъ странника, отправился этотъ самый Балдахалъ въ Залѣсную пустынь.

2.

Монастырь окруженъ былъ стѣною, четверо воротъ съ четырехъ сторонъ вели въ ограду, и у каждыхъ воротъ, неотлучно,

день и ночь пребывали старцы, разумѣвшіе слово Божье: у южныхъ — Василіанъ, у сѣверныхъ — Ѳеофилъ, у восточныхъ — Алипій и у западныхъ, главныхъ — Мелетій.

Балдахалъ, какъ подступилъ къ воротамъ, и затѣялъ споръ, и посрамилъ трехъ старцевъ.

— Кто переспоритъ, того и вѣра правѣй! — напалъ нечестивый на послѣдняго, четвертаго старца у воротъ главныхъ.

И день спорятъ, и другой, и къ концу третьяго дня заслабѣлъ старецъ Мелетій.

Замѣшалась братія. И положила молебенъ отслужить о прибавленіи ума и разумѣнія. Да съ перепугу-то, кто во что: кто Мурину отъ блуда, кто Вонифатію отъ пьянства, кто Антипѣ отъ зуба. Ну, и пошла завороха.

А ужъ Балдахалъ прижалъ Мелетія къ стѣнѣ и вотъ-вотъ въ ограду войдетъ и тогда замутится весь монастырь.

3.

Былъ въ монастырѣ древній старецъ Ѳилоѳей, прозорливецъ, святой жизни. И какъ на грѣхъ удалился старецъ въ пустынное мѣсто на гору и тамъ пребывалъ въ бдѣніи, и только что келейникъ его Митрофанъ съ нимъ.

Видитъ братія, дѣло плохо, безъ Ѳилоѳея ума не собрать ни откуда, и пустилась на хитрость, чтобы какъ-нибудь дать знать старцу, сманить съ горы. А случилось, что на трапезу въ тотъ день готовилъ поваръ ушки съ грибами. И велѣно ему было такой ушокъ сдѣлать покрупнѣе да съ грибомъ вмѣстѣ письмо запечь, да, погодя, поставить въ духовку, чтобы закалился.

И когда все было готово, подбросили этотъ каленый ушокъ къ главнымъ воротамъ на стѣну перемета.

И вотъ, откуда ни возьмись, орелъ — и унесъ ушокъ.

4.

Старецъ Ѳилоѳей сидѣлъ въ своей нагорной кельѣ, углубившись въ Святое Писанье. А келейникъ прибиралъ келью, понесъ соръ изъ кельи, глядь — орелъ кружитъ. И все ниже и

ниже и прямо на Митрофана, положилъ къ ногамъ ношу и улетѣлъ.

— Что за чудеса!—со страхомъ поднялъ Митрофанъ ушокъ каленый да скорѣе въ келью къ старцу.

И какъ раскрыли, а оттуда письмо, и все тамъ прописано о старцахъ и о Балдахалѣ.

„Хочетъ проклятый обратить насъ въ треокаянную вѣру! Соблазнилъ трехъ старцевъ, за Мелетія взялся, и ему не сдобровать".

— Что жъ, идти мнѣ придется, что-ли? — сказалъ старецъ.

— Благословите, батюшка, я пойду! — вызвался келейникъ.

— Подъ силу ли тебѣ, Митрофанъ? — усумнился старецъ,— а ну-ка, давай испытаю: я представлюсь нечестивцемъ Балдахаломъ и буду тебя совращать—толковать Писаніе неправильно, а ты мнѣ говори правильно.

Митрофанъ крякнулъ, подтянулъ ременный поясъ и ну вопрошать старца. И, ревнуя о вѣрѣ, въ такой пришелъ ражъ, всего-то исплевалъ старца, и, поднявъ персты, ничего уже не слыша, вопилъ:

— Побѣдихомъ!

Не малаго стоило старцу унять его.

Опомнившись, съ рыданіемъ приступилъ Митрофанъ къ старцу, прося прощеніе.

Старецъ сказалъ:

— Богъ проститъ. Это знаменіе, — побѣдишь проклятаго!

И, благословивъ на прю, далъ ему кота, зеркальце да зеренъ горстку.

— Гряди во славу!

5.

Съ котомъ подъ мышку вышелъ Митрофанъ на великую прю.

А Балдахалъ давнымъ-давно прикончилъ съ Мелетіемъ, вошелъ въ ограду, да въ монастырскихъ прудахъ и купается.

— Пускай-де съ меня сойдетъ вся скверна: упрѣлъ больно съ дураками!

Услышалъ это Митрофанъ и тутъ же, на бережку, расположился, досталъ кувшинъ, напихалъ въ него всякой дряни, да и полощетъ: обмыть старается. А ничего не выходитъ, все дрянь сочится.

Балдахалъ кричитъ:

— Дуракъ, въ кувшинѣ сперва вымой!

Задѣло Митрофана:

— А ты чего лаешь, самъ себѣ нутро очисти!

— Экій умникъ, — разсмѣхнулся Балдахалъ, — тебя только не доставало.

Вылѣзъ изъ прудовъ и, въ чемъ былъ, книгу въ охапку да къ Митрофану.

И началась у нихъ пря.

И съ первыхъ же словъ сталъ нечистый сбивать съ толку Митрофана. Растерялся было Митрофанъ и видитъ — мышка указываетъ усикомъ Балдахалу по книгѣ. Митроха за кота: выпустилъ Варсофонія. Варсофоній за мышкой — и пошелъ ужъ не тотъ разговоръ. Да не надолго. Опять нечистый взялъ силу. И видитъ Митрофанъ — голубь ходитъ по книгѣ, лапкой указываетъ Балдахалу. Митрофанъ за зерно, посыпалъ зернышка — и пошелъ голубь отъ книги, ну клевать, наклевался, отяжелѣлъ и ни съ мѣста. И Балдахалъ запнулся. Да вывернулся проклятый. И не знаетъ Митрофанъ, что ему и дѣлать: ни словъ нѣтъ, ни разуму! И вспомнилъ тутъ о зеркальцѣ, вытащилъ его, да какъ заглянетъ — и самъ себя не узналъ: откуда что взялось! Балдахалъ только глаза таращитъ, и вдругъ поднялся надъ землею и понесся. Осѣнилъ себя Митрофанъ крестнымъ знаменіемъ и за нимъ вдогонку, только полы раздуваются да сапогъ о сапогъ стучитъ. И занеслись они такъ высоко — къ звѣздамъ, тамъ гдѣ звѣзды вертятся, и не дай Богъ коснуться: завьютъ, закрутятъ и падешь, какъ камень.

— Эй, — кричитъ Митроха, — гляди, не напорись!

— А что тамъ? Что такое?

— А вотъ подбрось-ка туда космы.

Балдахалъ сграбасталъ пятернею свои космы да и подбросилъ — и хоть бы волосокъ на головѣ остался, гола, что колѣнка.

„Ну, слава Богу, хоть голова-то уцѣлѣла!“

И раздумался. Видитъ, что врагъ — добрый человѣкъ: предостерегъ! И удивился.

Тутъ его Митрофанъ и зацапалъ, и повелъ въ заточеніе.

6.

Кельи въ монастырѣ стояли безъ запора — такъ и по уставу полагалось, да и не къ чему было: разбойники братію не обижали. И только одна казна книжная подъ замкомъ держалась, чтобы зря книги не трогали да не по уму не брали. Въ эту казну книжную и заточилъ Митрофанъ Балдахала.

И тамъ трое сутокъ держалъ его, нечистаго, безъ выпуска.

Въ первый-то день, какъ завалился Балдахалъ на книги, такъ до полудня второго дня и дрыхнулъ безъ просыпа, а потомъ, надо какъ нибудь время убить, взялся перебирать книги. И вотъ въ одной рукописной — подголовкомъ ему служила — бросилось въ глаза пророчественное слово.

А написано было, что въ нѣкое новое лѣто явится въ Залѣсную пустынь нечестивецъ, именемъ Балдахалъ, и обратитъ въ свою треокаянную вѣру четырехъ привратныхъ старцевъ — Мелетія, Алипія, Ѳеофила, Василіана, а съ ними замутится братія, и одинъ лишь келейникъ святого старца Ѳилофея, Митрофанъ, смиритъ его.

Вглядѣлся Балдахалъ въ буквы, потрогалъ пергаменъ, понюхалъ — времена древнія, и устыдился.

„И чего я такое дѣлаю, окаянный!“ — и давай жалобно кликать.

И когда на кличъ его жалкій на утро третьяго дня пришелъ Митрофанъ и съ нимъ старцы и братія, посрамленная отъ нечестиваго, палъ Балдахалъ предъ нимъ на колѣна, раскаялся и обратился къ правой вѣрѣ. И передъ лицомъ всего собора далъ крѣпкую клятву переписать всѣ книги, загаженныя имъ въ заточеніи, и новую написать во осужденіе бывшаго своего нечестія.

Въ лѣсъ же къ Ягѣ больше не вернулся, трудникомъ въ монастырѣ остался Балдахалъ жить при сторожкѣ.

1915 г.

Спрыгъ-трава.

Затѣялъ одинъ дошлый на Ивана-Купалу спрыгъ-траву искать — цвѣтъ купальскій. Извѣстно, сами морголютки нелад-ные и тѣ тогда ладно жить съ тобой будутъ!

Вымылся онъ въ банѣ, надѣлъ чистую рубаху, досталъ бѣ-лый платокъ, да съ платкомъ, какъ стемнѣло, и пошелъ въ лѣсъ. И въ лѣсу тамъ на полянѣ очертилъ три круга, разостлалъ подъ папоротникомъ платокъ, присѣлъ, ждетъ, что будетъ.

Вотъ слышитъ, шумъ по лѣсу, трескъ, какіе-то звѣри дерутся, а тамъ стукъ, чего-то дѣлаютъ, и словно земля вся начинаетъ кончаться, и вдругъ набѣжалъ вихорь страшный — приблизилась полночь.

И ровно въ полночь тихо папоротникъ расцвѣлъ, какъ звѣздочка.

И стали цвѣтки на платокъ падать, и насыпало много, какъ звѣздочки.

Тутъ зря зѣвать не годится, завязалъ онъ цвѣты въ узелокъ, но только что ступилъ, откуда ни возмись медвѣди, начальство, саблями такъ и машутъ.

— Брось, — кричатъ, — а то голову долой!

И за руки хотятъ схватить.

И вдругъ война началась, такая пошла рѣзня — бѣда! Изъ пушекъ палятъ, раненые валятся.

— Изъ-за тебя проливаемъ кровь! Брось!

И появилась высокая каменная стѣна, и воткнуты въ стѣнѣ копья прямо передъ глазами, того и гляди, выколютъ глазъ.

И стала земля проваливаться, и остался онъ на одной кочкѣ. Все водой заливаетъ — буря страшная, волны такъ и хлещутъ. Снѣгъ пошелъ.

Тонетъ народъ, кричитъ, просятъ бросить цвѣтокъ.

— А то, — кричатъ, — измаялись наши душеньки!

И вдругъ, видитъ, запылала деревня, и домъ свой видитъ,— горитъ, и какіе-то черные съ крючками топочутъ вокругъ.

— Не пускай! Не пускай его! Пускай горитъ!

А вѣтеръ такъ и воетъ, подкидываетъ бревна, несетъ головни, вся земля горитъ.

Не живъ, не мертвъ, дрожкой дрожитъ, а держитъ узелокъ, не выпускаетъ изъ рукъ — будь, что будетъ! А они, черные, ужъ такъ и этакъ стараются достать его: крючки закидываютъ, да не могутъ, — за кругомъ стоятъ.

И разсвѣло. Солнце взошло. Слава Богу, миновалось. Онъ и пошелъ изъ лѣсу, а лѣсъ зеленый, птицы поютъ — заслушаешься.

Шелъ, шелъ, — узелокъ въ рукѣ держитъ.

Вдругъ слышитъ, позади кто-то ѣдетъ. Оглянулся, — катитъ въ красной рубахѣ и на него, налетѣлъ на него, да какъ жиганетъ со всего маху, узелокъ изъ рукъ и выпалъ.

Смотритъ, — ночь, какъ была ночь. И нѣтъ ничего, одинъ бѣлый платокъ подъ папоротникомъ лежитъ, а самъ онъ, какъ есть мокрый: купальская росная была ночь.

1914 г.

Банные анчутки.

Во всякой банѣ живетъ свой банникъ. Не поладишь, — кричитъ по-павлиньи. У банника есть дѣти — банные анчутки: сами маленькіе, черненькіе, мохнатенькіе, ноги ежиныя, а голова гола, что у татарченка, а женятся они на кикиморахъ, и такіе же сами проказы, что твои кикиморы.

Душа, дѣвка безстрашная, пошла ночью въ баню.

— Я, — говоритъ, — въ банѣ за ночь рубашку сошью и назадъ ворочусь.

Въ банѣ поставила она углей корчагу, а то шить ей не видно. Наскоро сметываетъ рубашку, отъ огоньковъ ей видно.

Къ полночи близко анчутки и вышли.

Смотритъ, а они мохнатенькіе, черненькіе у корчаги уголья, у! — раздуваютъ.

И бѣгаютъ, и бѣгаютъ.

А Душа шьетъ себѣ, ничего не боится.

Побоишься! Бѣгали, бѣгали, кругомъ обступили, да гвоздики ей въ подолъ и ну вколачивать.

Гвоздикъ вколотитъ:

— Такъ. Не уйдешь!

Другой вколотитъ:

— Такъ. Не уйдешь!

— Наша, — шепчутъ ей, — Душа, наша, не уйдешь!

И видитъ Душа, что и вправду не уйти, не встать ей теперь, весь подолъ къ полу прибитъ, да догадлива дѣвка, начала съ себя помаленьку рубаху спускать съ сарафаномъ. А

какъ спустила всю, да вонъ изъ бани съ шитой рубахой и ужъ тутъ у порога такъ въ снѣгъ и грохнулась.

Что говорить, любятъ анчутки проказить, а ужъ надъ дѣвкой подыграть имъ всегда любо.

Выдавали Душу замужъ. Истопили на дѣвишникъ баню и пошли дѣвки съ невѣстой мыться, а анчутки — имъ своя забота, — они тутъ-какъ-тутъ, и ну бѣсить дѣвокъ.

Дѣвки-то изъ бани-то нагишемъ въ садъ и высыпали на дорогу и давай бѣситься: которая пляшетъ, да поетъ что есть голосу не-вѣсть что, которыя другъ на дружкѣ верхомъ ѣздятъ, и визжатъ и хоркаютъ по меренячьи.

Едва смирили. Пришлось отпаивать парнымъ молокомъ съ медомъ. Думали, что дѣвки бѣлены объѣлись, смотрѣли, — нигдѣ не нашли. А это они, это анчутки ягатые, нащекотали усы дѣвкамъ!

Дурная молва пошла, перестали баню топить.

Пріѣхалъ на ярмарку кумъ Бубловъ печникъ, сорви голова, куда сама Душа! Вздумалъ съ дороги попариться, его стращаютъ, а ему чего — Бубловъ! — и пошелъ въ баню.

Поддалъ, помоталъ вѣникъ въ пару, хвать — съ вѣника дождикъ льетъ, взглянулъ, а онъ въ сосулькахъ. Какъ броситъ вѣникъ, да съ полка хмыль изъ бани, прибѣжалъ въ горницу.

— Ну, говоритъ, — теперь вѣрю, что у васъ за баня.

— Это тебѣ, кумъ, попритчилось, видно! — смѣются.

Ну, при честномъ народѣ разсиживаться нагишомъ не очень годится, сходили въ баню за Бубловой рубахой и штанами, принесли узелокъ. Развернули, а они всѣ-то въ лепетки изорваны. Такъ всѣ и ахнули.

Вотъ, они какіе, анчутки банные.

А малымъ ребятамъ они ничего не дѣлаютъ, и днемъ при нихъ не скрываются, по своимъ дѣламъ ходятъ, какъ при своихъ, черненькіе такіе, мохнатенькіе, ноги ежиныя, а голова гола, что у татарченка.

1914 г.

Нужда.

Первое, видѣть надо и все узнать... не узнаешь — не почувствуешь, не почувствуешь — не откликнешься, не откликнешься — не будешь свой, не будешь свой — изомрешь.

РосЪ царевичЪ до всего вострый и чтобы все самому, задумалЪ царство обЪѣздить, всю державу вывѣдать — и кто какЪ живетЪ и кому чего надо, чтобы вѣрою править и правдой судить.

СлушаетЪ, бывало, царь мальца, не натѣшится — и въ кого такой зародился! — то-то гораздЪ.

— Я, батюшка, все самЪ хочу знать! — скажетЪ и смотритЪ, и такЪ, ровно уголечки глаза горятЪ: дай подростетЪ, будетЪ первымЪ царемЪ, не пропадетЪ съ такимЪ русское царство.

ОтпускалЪ царь царевича — сына, куда ему любо: пускай ѣздитЪ одинЪ по бѣлому свѣту. Только что Тимофей съ нимЪ кучерЪ.

ВотЪ разЪ въѣзжаетЪ царевичЪ на тройкѣ въ село подЪ Москвою.

А морозило крѣпко и отЪ мороза не только что люди, шавки и тѣ попрятались всѣ по конуркамЪ, а отЪ коней такЪ парЪ и валитЪ. И видитЪ царевичЪ, на краю дороги мужиченко дрова рубитЪ, вотЪ какЪ рѣзко рубитЪ — лицо отЪ морозу разгорается, а видно, не можетЪ согрѣться, ужЪ очень одеженка-то худа.

— БогЪ помощь тебѣ, крещеный!

— А спасибожЪ, царевичЪ.

— ВЪ такую стужу ты рубишь?

— Не я, царевичъ, нужда рубитъ.

Царевичъ къ Тимоѳею:

— А что, Тимоѳей, какая это нужда? Ты ее знаешь?

Усмѣхнулся во весь ротъ царскій кучеръ, инда съ бороды сосульки поскакали, а паръ лошадиный пошелъ.

— Запамятовалъ что-то... Намъ харчи сытные.

— Какая-же это нужда? — соскочилъ царевичъ съ саней да къ мужиченкѣ, — гдѣ она у тебя, мнѣ бы ее поглядѣть!

— На что тебѣ, царевичъ, и не дай Богъ съ ней познаться!

— Нѣтъ, мнѣ ее надо видѣть!

А тамъ въ чистомъ полѣ на бугринѣ стояла со снѣгомъ былина.

— А вонъ, царевичъ, на бугринѣ стоитъ! Эвона какъ отъ вѣтру шатается.

— Веди насъ, покажи.

— Можно, — положилъ мужиченко топоръ, прикрылъ вѣтками.

Вотъ сѣли на тройку и поѣхали въ чистое поле глядѣть нужду. И скоро выѣхали на бугоръ, миновали былину, а за нею тамъ дальше другая стоитъ.

— Гдѣ же нужда?

— А вонъ — вонъ за тою былиной... Только ѣхать нельзя: снѣгъ глубокъ.

Царевичъ соскочилъ съ саней.

— Покарауль-ка, крещеный, пойду погляжу.

И пошелъ, ну и Тимоѳей за нимъ, — царская служба, — нельзя.

И полѣзли по снѣгу: былину пройдутъ, другая маячитъ, къ другой подойдутъ.

— Гдѣ-же нужда?

А мужиченко стоялъ и стоялъ у саней, караулилъ. Иззябъ, окоченѣлъ весь бѣдняга, ну, взялъ, да и выстегнулъ царскую тройку, сѣлъ, — только и видѣли.

Все по сугробу, да по сугробу, полазали вотъ какъ царевичъ съ Тимоѳеемъ, и все по-пусту, нѣтъ нигдѣ нужды, не оказывалась.

— Гдѣ, гдѣ она, эта нужда?

Ужъ смеркалось, пора было домой возвращаться, и повернули назадъ. Едва-едва на дорожку выбрались, хвать, а лошадушекъ и слѣдъ простылъ.

Эка бѣда! Что дѣлать? И сани бросать не годится: за царское добро Тимоѳей въ отвѣтѣ.

— Впрягайся въ корень, а я на пристяжку! — говоритъ царевичъ.

А Тимоѳей думаетъ себѣ: такъ не годится.

— Такъ не годится, я простой человѣкъ, тебѣ царевичъ, въ корень, а я на пристяжку.

Запряглись и поѣхали. Везутъ и везутъ, повезутъ и привстанутъ.

А тотъ мужиченко — не промахъ — поприпряталъ лошадушекъ царскихъ, да на дорогу, и пошелъ имъ на встрѣчу.

— Чтой-то ты, царевичъ, санки на себѣ везешь?

А царевичъ изъ силъ выбился, ужъ не смотритъ.

— Уйди! Это нужда везетъ.

— Какая это нужда?

— Ступай, тамъ вонъ въ полѣ на бугринѣ!

А самъ везетъ да везетъ.

Едва до села добрались. Тимоѳей на что крѣпокъ — царскій вѣдь кучеръ! — и тотъ уморился. Слава Богу, наняли на селѣ лошадей. И пріѣхали домой въ Москву на троечкѣ — на чужихъ.

Спрашиваетъ царь:

— Чьи жъ это лошади?

А царевичъ ему:

— Батюшка, я нужду увидѣлъ, лошадушекъ потерялъ!

Вотъ онъ какой — самъ нужду увидѣлъ! А станетъ царемъ, будетъ первымъ царемъ, царь первый Петръ.

1915 г.

Морока.

1.

Служилъ одинъ солдатикъ двадцать пять лѣтъ царю вѣрой и правдой, а царя въ глаза не видалъ. Пришелъ срокъ, получилъ солдатъ отставку и пошелъ домой.

Выходитъ онъ изъ городу и раздумался:

„Что я за дуракъ за солдатъ, двадцать пять лѣтъ вѣрой и правдой царю служилъ, царя не видалъ. Спросятъ про царя, что я скажу?“ — взялъ да и повернулъ назадъ въ городъ и прямо къ царскимъ палатамъ.

У воротъ сторожа.

— Куда, землякъ, идешь? — остановили.

— А вотъ, землякъ, царя посмотрѣть: двадцать пять лѣтъ царю служилъ, царя въ глаза не видалъ.

Доложили царю про солдата. И велѣлъ царь позвать солдата къ царю на лицо.

— Здравствуй, землякъ!

— Здравія желаю, ваше царское величество.

— Что тебѣ, землякъ, нужно?

— Лицо ваше царское посмотрѣть: двадцать пять лѣтъ царю прослужилъ, царя не видалъ.

Царь посадилъ солдата на лавку.

— А что, — говоритъ, — солдатикъ, загану я тебѣ загадку: сколь, солдатикъ свѣтъ великъ?

— А не очень, ваше царское величество, свѣтъ великъ: въ двадцать четыре часа солнышко кругомъ обходитъ.

— Правда, солдатъ! А сколько отъ земли до неба высоты?

— Не очень, ваше царское величество, отъ земли до неба высоко: тамъ стучатъ, здѣсь слышно.

— Ладно. А загану я тебѣ третью загадку: сколько морская глубина глубока?

— Ну, ваше царское величество, тамъ неизвѣстно: былъ у насъ дѣдъ семидесяти лѣтъ, ушелъ на тотъ свѣтъ, — и теперь его нѣтъ.

— Правда, солдатъ!

Понравились царю отвѣты, и далъ царь солдату въ награжденіе четвертной билетъ. Попрощался солдатъ, да прямо отъ царя въ трактиръ.

Сутки погулялъ — десять золотыхъ прогулялъ. Жалко стало солдату царской награды.

— Вотъ, — говоритъ трактирщику, — на тебѣ мой четвертной билетъ, я пойду тебѣ золота добывать.

И пошелъ солдатъ на базаръ, купилъ морковь, сдѣлалъ десять золотыхъ, и назадъ въ трактиръ, подаетъ трактирщику.

— Получайте!

Трактирщикъ золото принялъ, четвертную солдату отдалъ, а золото въ шкатулку спряталъ. Солдату тутъ бы и уйти съ Богомъ, а онъ, нѣтъ, у трактирщика околачивается. Вздумалъ трактирщикъ провѣрить шкатулку, хвать, а тамъ не золото, а кружки морковные. Трактирщикъ кружки въ карманъ себѣ сунулъ да изъ трактира, въ чемъ былъ, такъ и выскочилъ, да солдата за шиворотъ и прямо къ царю. И приноситъ царю на солдата жалобу, что прогулялъ солдатъ десять золотыхъ, а отдалъ десять морковныхъ кружечковъ.

— Ваше царское величество, велите ему показать, чѣмъ я раздѣлался!

Трактирщикъ и вынимаетъ изъ кармана — анъ не морковь, а золото — какъ золото изъ чекану.

— Видите, ваше царское величество.

Царю то ужъ больно понравилось, отпустилъ царь трактирщика въ трактиръ и говоритъ солдату:

— Молодецъ-солдатъ, сядь-ка, побесѣдуй со мной.

2.

Присѣлъ солдатикъ на лавку, ждетъ царской воли.

— Ну-ка, солдатикъ, пошути ты и надо мной шутку, да легоньку.

— Могу, ваше царское величество! — и проситъ царя на диванъ пересѣсть.

Послушался царь солдата, пересѣлъ на диванъ.

— А который будетъ часъ, ваше царское величество?

— Первый въ начинѣ, — сказалъ царь.

И вдругъ дверь — у-у-ухъ! — полна палата воды: затопило царя на диванѣ по шейку, — и ударился царь изъ палатъ своихъ бѣжать, а на дворѣ ему вплавь. Куда тутъ дѣться? Ухватился онъ за лѣстницу и ну карабкаться. И покрыла матушка-полая вода всѣ лѣса темные. Сидитъ царь на конечкѣ, захлебывается. Тутъ откуда ни возьмись лодка, — брякъ въ лодку. Поднялся вѣтеръ и унесло царя Богъ знаетъ куда.

Стала вода понемногу пропадать и пропала. И крѣпко захотѣлось царю поѣсть. Идетъ старуха, несетъ булочки.

— Пожалуй, бабушка, сюда, — говоритъ царь, — продай мнѣ булочку.

— Охъ, ваше царское величество, булочки-то больно жестки, ночевочки, нате подержите, я вамъ мяконькихъ принесу.

Царь у старухи взялъ булки, держитъ, думаетъ себѣ:

„Слава Богу, хоть что-нибудь!“ — очень проголодался.

И только что хотѣлъ отщипнуть кусочекъ, идетъ надзиратель Борисовъ.

— Чего, — говоритъ, — ты тутъ держишь?

— Булочки.

— Ну-ка, я посмотрю.

Царь разжалъ руку, глядь — человѣчьи головы.

Борисовъ его цопъ — въ часть.

До утра въ части просидѣлъ, а тамъ и суду предали, да въ острогъ. И пока искали да разыскивали, натерпѣлся въ острогѣ-то. И дознались, судили и засудили: приговорили къ наказанію и навѣчно въ каторгу.

„Охъ, солдатъ, солдатъ, что надо мною сдѣлалъ!“

Везутъ царя, а палачъ только усмѣхается.

И привезли на площадь, раздѣли, поставили. Взялъ палачъ двухвостный кнутъ...

— А, батюшки! — какъ закричитъ царь.

Тутъ вбѣжали въ палату сторожа-приближенные, смотрятъ: сидитъ царь на диванѣ, а противъ царя солдатъ на лавкѣ.

— Ну, спасибо, солдатъ, пошутилъ ты надо мной хорошо!

— А посмотрите-ка ваше царское величество, который часъ?

Царь-то думаетъ, что времени съ годъ прошло, а всего-то одинъ часъ прошелъ.

И попрощался царь съ солдатомъ, отпустилъ его на всѣ четыре стороны.

3.

Приходитъ солдатъ въ деревню. У околицы народъ стоитъ кучкой.

— Миръ вашему стоянію, пустите ночевать!

— Пойдемъ ко мнѣ, солдатикъ, — выискался старикъ.

Ну, и пошелъ солдатъ за старикомъ. Пришли въ избу, дѣдъ и спрашиваетъ:

— А не умѣешь ли ты сказки сказывать?

— Можно, дѣдушка.

— Ну-ка, скажи.

— А что тебѣ одному сказывать, чай у тебя есть семейка?

— Есть, солдатикъ, два сына, двѣ невѣстки.

— А вотъ и хорошо, когда придутъ въ избу, всѣ и послушаютъ.

Сошлись сыновья и невѣстки, сѣли ужинать, поужинали, да и спать.

Легъ дѣдушка съ солдатомъ на полати.

— Ну-ка, солдатикъ, скажи сказку-то!

— Эхъ, дѣдушка, сказки-то я вѣдь не хорошими словами сказываю, а вонъ невѣстки сидятъ.

Старикъ перегнулся съ полатей.

— Невѣстки, живо спать!

Невѣстки дѣда послушали, постельки постелили и спать легли.

— Ну, солдатикъ, скажи теперь! — ужъ очень дѣду хочется сказку послушать.

— А что я тебѣ скажу, дѣдушка! Посмотри-ка хорошенько, кто мы съ тобой? Ты-то — медвѣдь, да и я-то медвѣдь.

Ощупался дѣдъ, пощупалъ солдата: такъ и есть — и самъ-то медвѣдь, и солдатъ-то медвѣдь.

— Медвѣди, солдатикъ.

— То-то и оно-то, что медвѣди, дѣдушка, и нечего намъ на полатяхъ разлеживаться, надо въ лѣсъ бѣжать.

— Извѣстно, въ лѣсъ! — согласился дѣдъ.

— А смотри, дѣдушка, въ лѣсъ-то мы убѣжимъ, а тамъ охотники насъ и убьютъ. И если, дѣдушка, тебя напередъ убьютъ, такъ я черезъ тебя перекувырнусь, а если меня убьютъ, ты черезъ меня кувыркайся, — будемъ оба живы.

Прибѣжали въ лѣсъ, а охотнички тутъ-какъ-тутъ: грохъ въ солдата — и убили. Дѣдъ стоитъ: что ему дѣлать? бѣжать? — и его застрѣлятъ, и вспомнилъ, что перекувырнуться надо, перекрестился, да черезъ солдата какъ махнетъ.

— А, батюшки! — закричалъ голосомъ старикъ.

Невѣстки повскакали, огонь вздули, а дѣдъ на полу лежитъ въ растяжку: экъ, его угораздило!

— Хорошо еще Богъ спасъ! съ этакой высоты!

Поднялъ солдатъ дѣда на полати — больше не надо и сказокъ! — и до свѣта ушелъ.

1914 г.

КладЪ.

Лоха былъ большой любитель до всякихъ кладовъ, и былъ у Лохи товарищъ Яковъ, тоже подъ стать Лохѣ. Оба частенько на Лыковой горѣ рылись, но ничего никогда не находили.

Кладъ — съ зарокомъ, и нерѣдко такой зарокъ кладется: тотъ кладъ добудетъ, кто не выругается нехорошимъ словомъ, — а русскому человѣку нешто удержаться? ну, кладъ и не дается!

Разъ Лоха пошелъ за грибами на Лыкову гору, набралъ груздей, спустился съ горы, дошелъ до родничка и присѣлъ отдохнуть. А было это предъ вечеромъ, уморился Лоха съ груздями, сидитъ такъ — хорошо ему у родничка, отдыхаетъ.

И видитъ Лоха, товарищъ его Яковъ съ сухими лутошками ѣдетъ.

— Куда, братъ, ѣдешь?

— Домой.

— Возьми меня!

— А садись на заднюю-то лошадь.

Яковъ на парѣ въ разнопряжку ѣхалъ съ двумя возами.

Лоха повѣсилъ себѣ на шею лукошко съ груздями, усѣлся погоняетъ лошадку.

— Кумъ, — говоритъ Яковъ, — поѣдемъ ко мнѣ горохъ ѣсть. Василиса нынче варила. Ужъ такой, что твоя сметана.

— Поѣдемъ, кумъ.

Пріѣхали къ Якову, распрягли лошадей. Яковъ впередъ въ избу пошелъ, Лоха за нимъ.

Вошелъ Лоха въ сѣни, двери-то въ избу и не найти. Кричать — а никто голосу не подаетъ. Вотъ онъ лукошко на землю

поставилъ и сталъ шарить дверь. Бился, бился — нѣту двери. Началъ молитву читать, а двери все нѣтъ, и молитва не помогаетъ. Такъ руки и опустились.

И увидѣлъ Лоха вдали свѣтъ чуть пробивается, и будто въ кузницѣ кузнецы куютъ. Поднялъ онъ съ земли лукошко и пошелъ на свѣтъ.

Шелъ, шелъ, дошелъ до желѣзной двери, отворилъ дверь — тамъ длинный-предлинный подземный ходъ, а справа и слѣва очаги и наковальни, и кузнецы стоятъ.

Кузнецы большіе, въ бѣлыхъ, какъ кипень, одежахъ, и у каждаго очага по три кузнеца: одинъ дуетъ мѣхами, другой раскаливаетъ желѣзо, третій куетъ.

Подошелъ Лоха къ первымъ кузнецамъ — куютъ лошадиныя подковы.

— Богъ помочь вамъ, кузнечики.

Молчатъ.

Онъ къ другимъ — шины куютъ.

— Богъ помочь, кузнечики!

Молчатъ.

Онъ къ третьимъ — куютъ гвозди.

— Богъ помочь!

И эти молчатъ, только смотрятъ на него.

Ну, онъ дальше: дальше куютъ у каждаго горна все разныя вещи. Онъ ужъ ни съ кѣмъ ни слова. И далеко прошелъ, уставать сталъ.

И вотъ откуда-то изъ побочнаго хода появился будто приказчикъ какой, распорядитель ихъ главный, въ кожаной одежѣ, самъ смуглый, ловкій такой парень.

— Какъ ты, — говоритъ, — Лоха, попалъ сюда? Что тебѣ надо? Денегъ? Пойдемъ, я тебѣ ихъ покажу.

— Нѣтъ, родимый, — Лохѣ ужъ не до денегъ, — ты меня лучше выпроводи отсюда, запутался я.

— Ну, вотъ еще! Я тебѣ напередъ покажу, а потомъ и на дорогу выведу. Пойдемъ.

И пошелъ водить Лоху по разнымъ ходамъ между кузнецами: то въ тотъ переулокъ, то въ другой, — такъ заводилъ, такъ замаялъ, могуты не стало.

— Богъ съ тобой, съ твоими деньгами. Выпусти! — запросился Лоха.

— Сейчасъ! — да знай себѣ ведетъ, не остановится.

Наконецъ-то подвелъ къ подвалу, повернулъ ключъ въ двери, отворилъ дверь — тамъ лѣстница желѣзная, весь подвалъ фонарями освѣщенъ и полнъ золота, серебра, мѣди, желѣза, стали и чугуна. И все, какъ жаръ, горитъ.

— Видишь, Лоха, богатъ-то я какъ! Хочешь золота, хочешь серебра? Бери сколько хочется.

— Да куда мнѣ, родимый? Отпусти! Мнѣ и взять-то не во что.

— Да вотъ голицу-то насыпай.

— Не донести мнѣ.

— А ты отъ онучъ веревки отвяжи, да и перевяжи рукавицу-то.

Лоха соблазнился: ужъ очень красно золото! — насыпалъ рукавицу золотомъ, а другую тотъ насыпалъ.

— Довольно, что ли?

— Спасибо, родимый. Дай тебѣ Богъ здоровья на много лѣтъ.

— Ну, что тамъ! Благодарить не за что. А ты вотъ что, ты съ Яковомъ хлѣба намъ привези. Видѣлъ, сколько у меня работниковъ, такъ ихъ всѣхъ накормить изволь. Да, смотри, привези печенаго, намъ мукой-то не надо!

— Когда жъ тебѣ, родимый?

— Да вотъ какъ первый урожай будетъ.

— Постараюсь, родимый.

— Не забудь же.

И повелъ, вывелъ его изъ подвалу да по коридорамъ, и къ какой-то трещинѣ. Тутъ и сталъ.

— Видишь, Лоха, свѣтъ?

— Вижу.

— Иди на него.

Лоха и пошелъ на свѣтъ-то, и чувствуетъ, что на воздухъ вышелъ.

Осмотрѣлся, — что за чудеса! — сидитъ онъ у родничка, гдѣ отдыхать сѣлъ, и лукошко его съ груздями, какъ поста-

вилъ, такъ и стоитъ. Взглянулъ подъ ноги, а у ногъ его голицы связанныя, пощупалъ — деньги. Себѣ не вѣритъ, развязалъ малость, запустилъ руку — золото.

Темно было, чуть заря.

Поднялся Лоха, вытряхнулъ изъ лукошка грибы, положилъ въ лукошко голицы съ золотомъ, прикрылъ травой и пошелъ себѣ по дорогѣ. Да улицами-то не шелъ, а съ задняго двора и прямо къ себѣ въ амбарушку.

Разсвѣтало ужъ.

Вынулъ онъ изъ лукошка голицы, да не развязывая — въ коробъ, коробъ на замокъ, и вошелъ въ избу.

— Гдѣ это ты пропадалъ столько? — спрашиваетъ жена.

— Да чего, въ лѣсу заплутался.

— Всѣ тебя, все село, три дня искали, думали, безъ вѣсти пропалъ. Эко дѣло какое съ тобой случилось!

Поговорили, поговорили, дали поѣсть. Сильно проголодался Лоха, поѣлъ всласть, да опять въ амбарушку, легъ тамъ подъ коробомъ и заснулъ.

И видитъ онъ во снѣ, явился къ нему тотъ самый приказчикъ, распорядитель кузнечный, и говоритъ:

„Ни, Боже мой, никому не говори, что ты у меня былъ и золота взялъ. Ежели откроешь, худо тебѣ будетъ!“

Но Лоха не только что говорить или кому показывать, а съ опаски ужъ и самъ, какъ положилъ голицы въ коробъ, такъ хоть бы разъ посмотрѣлъ, какое тамъ у него въ коробу золото лежитъ. Въ амбарушку пройдетъ понавѣдаться, коробъ осмотритъ, да назадъ въ избу.

И, должно быть, замѣтили люди, что Лоха въ амбарушкѣ что-то прячетъ, что-то таитъ, о чемъ-то помалкиваетъ.

Разъ пришелъ Лоха въ амбарушку, хвать, а короба-то и нѣтъ, — украли!

Украли его коробъ, нѣтъ золота, нѣтъ его клада.

Кто же укралъ?

Никто, какъ Яковъ-кумъ.

Лоха и объявилъ подозрѣніе на Якова. Стали Лоху допрашивать, гдѣ Лоха золотые взялъ, онъ и открылся — забылъ наказъ! — все разсказалъ и про кузнецовъ и про золото.

И вернулся Лоха домой съ допроса, заглянулъ въ амбарушку, постоялъ, потужилъ, пошелъ въ избу — тоскливо ему было, прилегъ на постель, лежитъ — ой, тоскливо! И чувствуетъ Лоха, ни рукой ему двинуть, ни ногой не пошевельнуть, хотѣлъ покликать, а языкъ и не ворочается.

Такъ и остался. А какой былъ-то! — одно слово, Лоха.

1914 г.

Пупень.

Рыли бабы по-наслыху кладѣ на валу, Алена да Анисья. И вырыли бабы пупень и вдругѣ отѣ Ивана Предтечи — валѣ-то у церкви — гулѣ пошелѣ. Съ перепугу задрожали у бабѣ руки — пупень вѣ яму, сами присѣли. И видятѣ, идетѣ по валу старичекѣ какой-то.

— Чего, — говоритѣ, — вы, бабы, испужались?

Бабы ему вѣ ноги:

— Не губи, кладѣ роемѣ.

Ну, старичекѣ посмотрѣлѣ, посмотрѣлѣ, да и говоритѣ:

— Да нешто такѣ роютѣ? Этому кладу пора ночная.

И наставилѣ старичекѣ бабѣ на разумѣ, зря чтобы на валу не рылись, а ждали Пасху и на Пасху, между заутреней и обѣдней запаслись бы краснымѣ яичкомѣ и, кто бы на валу ни показался, похристосовались бы, не пугаясь.

— Тогда самѣ выйдетѣ!

Старичекѣ пошелѣ своей дорогой, а бабы достали изѣ ямы пупень и по домамѣ ждать Пасхи.

Протянулась осень, прошла зима, катитѣ весна-красна, а съ весною Пасха.

Еще на посту стало не до сна бабамѣ: какой имѣ такой кладѣ выйдетѣ!

Старичекѣ-то училѣ, запастись по яичку, а онѣ каждая себѣ по три выкрасили, подоткнулись и вѣ передникѣ положили: какѣ тотѣ появится, чтобы поскорѣе яйцо ему вѣ руку сунуть — бери, отворяй кладѣ!

Кончилась заутреня, бабы на валѣ и ну рыть. И ужѣ заступѣ сталѣ задѣвать за что-то: плита ли тамѣ чугунная, либо

котелокъ съ золотомъ? И пошелъ вдругъ гулъ отъ Ивана Предтечи — и гулъ, и зыкъ, и ревъ. Оглушило бабъ, а земля ровно кисель подъ ними, такъ и трясется.

И видятъ, идетъ по валу, ой! медвѣдь не медвѣдь, козобанъ: ротъ — отъ уха до уха, носъ, что чекуша, граблями руки, а глаза такъ и прядаютъ. Идетъ, кривляется и гудитъ и гудитъ.

Стали бабы рядомъ, оперлись на заступъ, въ рукахъ по яйцу: такъ вотъ сейчасъ и похристосуются.

А тотъ словно крадется — и медленно, медленно и прямо на нихъ, да какъ рявкнетъ.

Выронили бабы яйца да бѣжать, да что есть духу, добѣжали до паперти, обѣ и обмерли.

Ну, тутъ добрые люди опрыскали бабъ святой водицей изъ колодезя: отъ усердія, думали, съ бабами такое вышло. И опомнились бабы, и скорѣе домой.

„Богъ съ нимъ и съ кладомъ, вѣрно въ землю ушелъ".

А какой котелокъ тамъ былъ съ золотомъ, какая плита чугунная!

И остались бабы, — не кладъ, а пупень.

1915 г.

КлексЪ.

ИзЪ всѣхЪ дней первый — Пасха. ВЪ ту святую ночь стоитЪ сама земля раскрытая.

Отправился СеменЪ кЪ заутренѣ, а итти ему было на погостЪ мимо озера. ВотЪ и идетЪ онЪ берегомЪ, а тамЪ, на другомЪ берегу, какой-то такЪ к о л ы ш е к Ъ изЪ воды лукошкомЪ что-то вЪ лодку таскаетЪ.

„И кому вЪ такую пору, — думаетЪ СеменЪ, — вЪ водѣ бултыхаться?“

ТутЪ вЪ колоколЪ ударили, и тотЪ вдругЪ пропалЪ.

Перекрестился СеменЪ, прибавилЪ шагу, обошелЪ озеро и прямо кЪ лодкѣ. А вЪ лодкѣ полно клексу.

„Эка невидаль, чешуя рыбья! Али взять?“

И набралЪ вЪ карманы клексу и вЪ церковь.

Хороша на Пасху служба, не ушелЪ бы изЪ церкви. Похристосовался СеменЪ: „ХристосЪ воскресЪ!“ — освятилЪ пасху и домой разговляться. ШелЪ вЪ обходЪ озеромЪ мимо самаго того мѣста, а ужЪ лодки не было: ни лодки, ни клекса. ТакЪ домой и вернулся.

СѣлЪ СеменЪ за столЪ, закусилЪ пасхи, да хвать за карманЪ — вспомнилЪ! — а тамЪ серебро звенитЪ. ВотЪ какой клексЪ былЪ, серебряный!

И сЪ той поры обогатился СеменЪ.

И сЪ той поры на озерѣ, чуть тихій часЪ, завоетЪ кто-то жалобно... Ну, и Семена больше не заманишь кЪ озеру, — на мѣшкахЪ сидитЪ серебряныхЪ.

1915 г.

НА ВСЕ ГОСПОДЬ.

На все Господь.

1.

Жилъ Ипатъ не бѣдно, не богато, да пришло крутое время, и до того добился, что и питаться нечѣмъ стало. Жена, дѣти — что дѣлать? И пошелъ онъ изъ села за тридцать верстъ на озеро рыбачить. И тамъ, на озерѣ, исправилъ себѣ балаганъ земляной и перевезъ на новое мѣсто жену и дѣтей.

И такъ ему было горько на новомъ мѣстѣ и жалко, — да такъ, стало быть, Богъ даетъ! И положилъ онъ каждый день удить для жены и дѣтей.

„Если на себя не заужу, то не буду ѣсть!“

День удитъ, ночью Богу молится. И съ мѣсяцъ удилъ, зауживалъ на жену и дѣтей, а на себя хоть бы разъ попало. И далъ ему Богъ терпѣніе, — за этотъ мѣсяцъ онъ ничего не ѣлъ.

И вотъ выдался денекъ такой, заудилъ онъ двѣ рыбки лишнихъ.

„Слава Богу, сжалился надо мной Господь и мнѣ далъ. Нынче и я поѣмъ!“

Приходитъ съ рыбой къ балагану.

— Говори, жена, „слава Богу“!

— А что „слава Богу“?

— Я на себя заудилъ, двѣ рыбки лишнихъ попались, Господь на меня далъ!

— Не на тебя это, я тебѣ еще родила два сына, на нихъ Господь и далъ.

— Ну, придется и опять не ѣвши. Слава Богу, что родила благополучно.

И трое сутокъ еще удилъ, заужалъ на жену и дѣтей, а на себя нисколько. Трое сутокъ кончилось, пора было ребятъ крестить.

— Надо ребятъ крестить, пойду на село къ попу!

И поутру пошелъ, оставилъ жену съ дѣтьми на озерѣ въ балаганѣ.

2.

Встрѣчу попадаетъ Ипату молодецъ.

— Куда, Ипатъ, идешь?

— А родила у меня жена два сына, надо крестить.

— Возьми меня въ кумовья.

Посмотрѣлъ Ипатъ черезъ правое плечо.

— Нѣтъ, ступай ужъ... И безъ тебя потонулъ я въ грѣхахъ.

А тотъ какъ захохочетъ, да въ сторону.

— Ишь, какой!

Нечистый былъ это духъ.

Отошелъ Ипатъ немного, идетъ молодецъ чище того.

— Куда тебя, Ипатушка, Богъ несетъ?

— Жена родила два сына, иду къ попу, надо окрестить.

— Возьми меня въ кумовья.

Посмотрѣлъ Ипатъ черезъ правое плечо, видитъ, хорошей души.

— Ладно, покумимся.

— На тебѣ три золотыхъ, — подалъ кумъ, — даромъ попъ на своей лошадкѣ не поѣдетъ. Отдай ему золото, а я пойду къ твоей женѣ.

А это былъ ангелъ. За терпѣніе человѣку послалъ его Господь.

Не долго шелъ Ипатъ, за какой часъ въ село поспѣлъ ко попу.

— Батюшка, я до твоей милости... жена у меня родила два мальчика, а живу я нынче въ балаганѣ на озерѣ за тридцать верстъ, надо бы мнѣ ихъ окрестить. Я до твоей милости.

Посмотрѣлъ на Ипата попъ.

— А ты бъ ихъ склалъ въ полу, притащилъ сюда, я бы ихъ и окрестилъ. Мнѣ тащиться такую даль не рука!

И вышелъ въ горницу.

Тутъ Ипатъ три золотыхъ на столикъ, мнется.

— Ты чего? — выглянулъ попъ.

А на столикѣ золото такъ и блеститъ.

Попъ какъ увидѣлъ золотые и сейчасъ же стряпкѣ: „Станови самоваръ!“ — а кучеру: „Лошадь запрягай!“.

— Ну, Ипатъ, чайку напьемся, поѣдемъ, окрещу тебѣ ребятъ.

— Нѣтъ, батюшка, чаю твоего не буду пить. Ты чаю напьешься, поѣдешь и меня нагонишь, я пойду пѣшкомъ.

3.

Попъ пожалуй только еще изъ двора пошевелился, ужъ Ипатъ пришелъ на озеро. Смотритъ: проруби его, а гдѣ балаганъ? Нѣтъ балагана, а на томъ самомъ мѣстѣ стоитъ домъ каменный и кругъ дома цвѣты расцвѣли.

Удивился Ипатъ.

„Али неладно пришелъ?“

А ему навстрѣчу изъ дому старшія дѣти бѣгутъ.

— Кто этотъ домъ построилъ?

— Пришелъ къ намъ какой-то молодецъ, вдругъ все появилось.

Ипатъ за дѣтьми.

Въ новомъ домѣ кумъ сидѣлъ на лавкѣ.

— Что, Ипатъ, загрустилъ?

— А что, кумъ, непремѣнно попъ раздумалъ. Сколь я дорогой оглядывался, все нѣтъ, не догоняетъ.

— Скоро будетъ! — утѣшилъ кумъ.

А попъ тутъ-какъ-тутъ. Остановилъ лошадку.

Что за причина? Звалъ его Ипатъ въ балаганъ, а, на-кась, домъ каменный!

„Али неладно пріѣхалъ?“

И повернулъ, было, лошадку назадъ ѣхать.

— Иди скорѣй, Ипатъ, зови батюшку! — говоритъ кумъ.

Ипатъ на крылечко вышелъ. Попъ увидалъ Ипата.

— Ахъ, Ипатъ! Какъ поживаешь? Домикъ-то какой состроилъ, этакого и на селѣ нѣтъ!

— На все Господь.

И повелъ Ипатъ попа въ домъ.

4.

— Ты, Ипатъ, поди въ кладовую, — посылаетъ кумъ, — три поклона положъ, тамъ стоитъ купель. А я за водой пойду, мнѣ, братъ, это полагается.

Ипатъ нашелъ кладовую, положилъ три поклона. Дверь сама ему отворилась. Тамъ стоитъ купель золотая и купель серебряная. Онъ ихъ вытащилъ въ горницу, поставилъ середь горницы.

Кумъ съ водой поспѣлъ, налилъ полну купель золотую и серебряную, велитъ за дѣтьми сходить, дѣтей принести.

Пошелъ Ипатъ и скоро вернулся одинъ. Испугался.

— Сходи, кумъ, самъ принеси, руки не подымаются!

— Экой, ты! — и пошелъ: одного взялъ на руку, другого — на другую, принесъ дѣтей.

Одинъ — въ золотой ризѣ, другой — въ серебряной.

Попъ, какъ увидѣлъ, и оробѣлъ.

— Подобаетъ ли крестить такихъ?

— Открой книгу, — сказалъ кумъ, — гляди, какой сегодня день ангела, и крести!

Самъ снялъ съ нихъ ризы, подалъ ихъ попу.

Попъ посмотрѣлъ въ книгу, назначилъ имена имъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Кумъ передалъ ихъ Ипату.

— Снеси женѣ и по три поклона за нихъ положь.

А самъ изъ купели воду вылилъ, изъ золотой и серебряной, и опять поставилъ середь горницы.

Вернулся Ипатъ отъ жены.

— Неси купель, — говоритъ ему кумъ, — а выйдешь изъ кладовой, три поклона положь.

Попъ глядитъ и въ толкъ не возьметъ, что они это такое исправляютъ.

А Ипатъ снесъ купель золотую и серебряную, да къ куму.

— Нѣтъ ли, — говоритъ, — чѣмъ попа угостить? За тридцать верстъ пріѣхалъ, небось ѣсть захотѣлъ.

— А поди, Ипатъ, вонъ къ той кладовой, — учитъ кумъ, — три поклона положь, тамъ на столикѣ все приготовлено, тащи сюда.

Пошелъ Ипатъ, положилъ три поклона. Дверь сама ему отворилась. Тамъ на престолѣ всего довольно. Постоялъ, посмотрѣлъ, а взять не взялъ, не рѣшился.

— Кумъ, — вернулся Ипатъ, — нельзя ли намъ, чѣмъ таскать-то, за этимъ престоломъ угоститься?

— Можно; иди, батюшка, съ нами.

И втроемъ пошли въ кладовую. И тамъ угощались и поздравляли.

— Батюшка, — поднялся кумъ, — тебѣ домой пора, засидѣлись долгонько.

— Не очень-то, — отвѣтилъ попъ, — часа, поди, три прошло, не больше.

— Нѣтъ, батюшка, ты у насъ въ гостяхъ три года: три зимы прошло, три лѣта. Тамъ тебя безъ вѣсти потеряли и на твоемъ мѣстѣ другой ужъ служитъ.

— А нельзя ли мнѣ съ вами еще пожить? — попросился попъ: больно ужъ приглянулось ему.

— Ступай на свое мѣсто, — сказалъ кумъ, — недостоинъ ты жить здѣсь. И знай напередъ: хочешь свою душу спасти, такъ ты, что дадутъ тебѣ, только то и бери... слышишь? Слѣпыхъ на умъ наставляй, чтобы они Бога могли признавать.

И проводили попа домой.

— Тебѣ отъ Божьяго храма не откажутъ! — утѣшилъ кумъ попа.

Такъ и распрощались.

5.

— Кумъ, — сказалъ Ипатъ, — мое дѣло — не легкое: ты уйдешь, останусь одинъ, чѣмъ я буду дѣтей пропитывать?

— А есть тутъ еще кладовка, въ этой кладовкѣ лежитъ мѣшокъ большой, лопата и кирка, неси сюда.

Пошелъ Ипатъ, принесъ мѣшокъ, кирку и лопату.

— Вотъ женѣ твоей, — сказалъ кумъ, — тутъ на пропитаніе всего довольно будетъ. А ты со мной пойдемъ.

И повелъ его съ озера не путемъ, не дорогою, — дикимъ мѣстомъ Ураломъ.

И такъ его велъ, что тотъ на себѣ все порвалъ, и съ тѣла кровь на немъ ручьями льетъ. Все терпѣлъ.

— Кумъ, — сталъ Ипатъ, — за тебя, гляжу, ничто не задѣваетъ, а я на себѣ все пирвалъ, мнѣ трудно за тобой итти.

— Эхъ, Ипатъ, Господь не то терпѣлъ, а ты что не можешь терпѣть: что кровь бѣжитъ?

И завелъ его въ пещеры.

Тамъ свѣчи горятъ.

— Что же это, къ чему свѣчи горятъ?

— Это наша жизнь продолжается: который человѣкъ родится, тому становится свѣча. Если можетъ кто сто годовъ жить, сто годовъ горитъ и его свѣча.

— А которая моя свѣча?

— А вонъ, гляди, свѣча сейчасъ потухнетъ и жизнь твоя нарушится.

— Кумъ, у меня дѣти малыя...

— Жизнь твоя — короткая. Дойдешь домой, — хорошо, не дойдешь... Иди скорѣй, можетъ, поспѣешь.

Побѣжалъ Ипатъ. Добѣжалъ до озера, гдѣ оставилъ каменный домъ. А дома-то ужъ нѣтъ, балаганъ стоитъ земляной.

— Жена, дай мнѣ рубашку бѣленькую, мнѣ теперь помирать.

Обрядился, легъ подъ святыя, благословилъ дѣтей, перекрестился...

— Здравствуй, Ипатъ, Христосъ воскресъ!

Кумъ... не кумъ стоитъ, ангелъ Господень.

1915 г.

Голова.

Трудился одинъ пустынникъ, и былъ у него сынъ на возрастѣ, вмѣстѣ съ отцомъ трудился. И жили они въ чистотѣ, мирно, за міръ Бога молили. И случилось одному разбойнику проходить лѣсомъ мимо ихъ избушки, вздумалъ разбойникъ отдохнуть отъ своего разбою, постучался въ избушку, его и пустили.

Подзакусилъ разбойникъ, обогрѣлся и сталъ на отдыхъ готовиться, да казну свою понагрáбленную и развалилъ среди пола.

Пустынникъ все это видѣлъ, позвалъ сына, вышли они во дворъ, и говоритъ старикъ сыну:

— Сынокъ, давай разбойника этого удавимъ. Деньги наши будутъ.

— Эхъ, батюшка, — говорилъ сынъ, — мы тридцать лѣтъ съ тобой трудимся, да это дѣло дѣлать будемъ!

Разбойникъ къ ночи ушелъ и казну свою всю унесъ. А на утро идетъ отецъ съ сыномъ въ лѣсъ, глядь, а разбойникъ-то виситъ, — удавили! Видно, лихой человѣкъ и своего брата не пощадилъ.

И опять стали трудиться отецъ съ сыномъ, только не то стало, — затосковалъ сынъ и отпросился у отца на богомолье сходить.

Идетъ парень по дорогѣ, а за нимъ вслѣдъ голова катится, нагнала его и говоритъ:

— Молодецъ, айда, куда я тебя поведу!

Оторопѣлъ парень, призналъ голову.

— Погоди, — говоритъ, — дай къ угодникамъ схожу.

— А ты долго ли тамъ пробудешь?

— Дёнъ семь.

Побывалъ парень у святыхъ мѣстъ, за душу погубленнаго помолился, семь дней прошло, идетъ назадъ — голова навстрѣчу катится.

— Ну, пойдемъ теперь со мной!

— Ну, пойдемъ.

И пошелъ за головой.

Катится голова лѣсомъ, глухой дорожкой, докатилась до кельи, да въ келью, и парень за ней.

Въ кельѣ три окна прорублены; голова и говоритъ парню.

— Сиди въ кельѣ, я по саду погуляю, только въ тѣ два окошка не гляди, въ одно это гляди.

Парень сидитъ и думаетъ:

„Почему въ тѣ голова глядѣть не велѣла? Дай погляжу“!

Поглядѣлъ на восходъ солнца и увидѣлъ все царствіе небесное, ангеловъ Божьихъ, престолы и свѣтильники — свѣтъ нерукотворенный. Поглядѣлъ на западъ и ужаснулся: тамъ адъ кромѣшный, пискъ, визгъ, много несчастныхъ мучатся и отецъ-старикъ въ котлѣ кипитъ, такъ и ныряетъ.

Жалко стало отца, протянулъ онъ руку, уцѣпилъ его за бороду — старикъ нырнулъ, борода въ рукахъ и осталась.

А голова тутъ-какъ-тутъ, прикатилась въ келью.

— Ну, что, я вѣдь, не велѣла глядѣть въ окошки.

— Поглядѣлъ.

— Видѣлъ?

— Все видѣлъ.

— А смекнулъ, за грѣхъ какой?

— Укажи мнѣ, какъ до отца дойти, долго я здѣсь засидѣлся.

— Долгонько: три года сидишь.

— Какъ! Три года?

— Три года времени прошло.

Запечалился парень, стоитъ, въ рукахъ старикова борода, не знаетъ, что дѣлать.

— Вотъ тебѣ дорога, ступай къ отцу.

Одинъ пошелъ парень изъ кельи домой. И долго шелъ, Приходитъ къ отцу. Слава Богу, живъ старикъ, старенькій какой, а борода облиняла — ни волоска нѣтъ.

— Эхъ, батюшка, согрѣшилъ ты.

— А что, сынокъ?

— Да тогда, какъ разбойникъ-то сидѣлъ, или забылъ?

— Грѣшенъ, хотѣлъ его порѣшить.

— Ну, батюшка, уготовано тебѣ мѣсто.

1914 г.

Подожокъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, былъ у нихъ сынъ, и была у сына собака страшная, большая, и всякій разъ, какъ итти ему на разбой, бралъ онъ эту собаку, и съ пустыми руками никогда не возвращался и все, что принесетъ, въ подожокъ запрячетъ: въ подожкѣ посередкѣ была дырочка — полну ее золота насовалъ.

Отецъ съ матерью дознались, какими дѣлами сынъ промышляетъ, ругали его, а онъ все свое: какъ ночь, айда на разбой.

Пришло такое время — святая ночь, на Свѣтлое Христово Воскресеніе, взялъ онъ свою собаку, взялъ подожокъ, ковригу, мяса, винца полуштофчикъ да вострый ножъ, — и на разбой на большую дорогу.

А одинъ парень на чужой сторонѣ работалъ, захворалъ, свезли въ больницу, выписался и къ празднику домой задумалъ, еле ноги тащилъ.

Встрѣчаетъ его разбойникъ. И была у разбойника повадка: не пропускалъ онъ первую встрѣчу и хоть за деньги, хоть и безъ денегъ — участь одна.

— Стой! Зарѣжу!

— Чего меня рѣзать! У меня и копѣйки-то нѣтъ.

— Ну, ты — первая встрѣча, безъ денегъ убью.

И Богъ знаетъ, жалко ли стало, или ужъ такъ, разбойникъ разостлалъ полотенце, вынулъ ковригу, полуштофъ водки, мясо.

— Давай-ка сядемъ, напередъ разговѣемся.

Дѣлать нечего, парень сѣлъ.

Разбойникъ налилъ себѣ стаканъ водки, выпилъ, далъ парню Выпили по стакану, да по другому, пирожка закусили.

Парень и говоритъ:

— Все-то мнѣ равно помирать, налей третій!

И выпилъ третій стаканъ.

— Вѣдь, у меня, — говоритъ, — денегъ нѣтъ ни гроша!

Разбойникъ вынулъ ножъ, рѣжетъ мясо, рѣжетъ да подъѣдаетъ. А парень хмѣльной сталъ. Разбойникъ вонзилъ ножъ въ кусокъ мяса, поднесъ на ножѣ ко рту, а парень въ руку его тыкъ — разбойникъ хныкъ, и свалился.

Завертѣла собака хвостомъ, да домой, а парень поднялъ подожокъ и за собакой бѣжать.

Старикъ со старухой на краю села живутъ, въ окошкѣ у нихъ огонекъ свѣтитъ, разговляются.

— Пустите, Христа ради, Христосъ воскресъ!

Обрадовались старики живой душѣ, пустили парня.

— Христосъ воскресъ!

Похристосовался парень, подожокъ подъ лавку положилъ, присѣлъ къ столу. А собака ужъ подъ лавкой лежитъ, спитъ.

Старуха и говоритъ старику:

— Старикъ, посмотри-ка, вѣдь, нашего сына подожокъ!

Старикъ заглянулъ подъ лавку.

— Охъ, да, старуха, самый онъ!

Старуха къ парню:

— Не видалъ-ли кого?

— Видѣлъ одного и такой отъ него страсти набрался.

— А гдѣ ты этотъ подожокъ взялъ?

— А вотъ на дорогѣ, я человѣка убилъ! — и разсказалъ старикамъ, какъ ихъ сына разбойника на дорогѣ убилъ.

Затеплили старики свѣчку, стали молиться Богу со слезами.

— Слава Ти, Господи, поразилъ его! — и къ парню, кланяются: — спасибо тебѣ. Какъ тебѣ Господь помогъ! Ты не человѣка, ты грѣхъ убилъ!

И отдали старики парню подожокъ полонъ казны и сталъ парень богатъ, и теперь такой богатый и! и! и!

1914 г.

Оттрудился.

У Ѳедоры было два сына АнисимЪ да Терентій, — меньшой посмирнѣе, а большой поперечный. Ѳедора Анисима отдѣлила и съ ТерентіемЪ жить осталась. Прошло время, разжился АнисимЪ своимЪ хозяйствомЪ, а у Терентія съ матерью все несчастье. И женился Терентій, взялЪ жену не худую, втроемЪ стали жить, а справиться не могутЪ: все въ раззорЪ и въ раззорЪ.

Пришла Пасха, а у Терентія и нечѣмЪ разговѣться.

ВотЪ Терентій жену и посылаетЪ къ брату попросить муки — куличЪ испечь: хоть бы праздникЪ провести по-людски, а тамЪ какЪ БогЪ дастЪ!

АнисимЪ невѣсткѣ отказалЪ.

— Да, чего, — говоритЪ, — самЪ я что-ли муку дѣлаю? И безЪ васЪ нынче трудно стало, всѣмЪ надо, чего раньше-то глядѣли?

ТакЪ съ пустыми руками и вернулась баба.

Дѣлать нечего, вернулись отЪ заутрени домой и разговѣться нечѣмЪ.

Матери-то и обидно.

И посылаетЪ она на утро Терентія:

— Иди къ брату, попроси хоть для меня кусочекЪ.

ПошелЪ Терентій.

БратЪ еще не вставалЪ. Похристосовались. ПроситЪ у брата не для себя, для матери.

— ТакЪ, кусочекЪ, разговѣться!

А того ужЪ за сердце взяло: и что это, въ самомЪ дѣлѣ, ходятЪ и просятЪ, и хоть бы для праздника покой дали.

— Хочешь разговѣться, — сказалъ Анисимъ брату, — вотъ встану, садись съ нами, сдѣлай милость, а посылать я не намѣренъ.

Терентій отказывается:

— Какъ же такъ, разсядусь я у тебя, а старуха тамъ ждать будетъ. Нѣтъ, Богъ съ тобой, ужъ пойду. Только помни, за мать отвѣтишь. Прощай!

— А чего меня выдѣлила? Жили бы вмѣстѣ, все бы и было. Да лучше мнѣ змѣю накормить! — вскочилъ, ногой топнулъ.

Ну и вернулся Терентій безъ ничего.

Горько заплакала Ѳедора.

— Ну, сынокъ мой, такъ ужъ Богу угодно!

А Анисимъ выпроводилъ брата, помолился Богу, кричитъ женѣ:

— Сходи-ка, хозяйка, въ чуланъ, принеси мнѣ пасхи.

Ну, та живо самоваръ на столъ и въ чуланъ за пасхой.

Отворила чуланъ, хвать, а тамъ на пасхѣ, обвивши, змѣя лежитъ. Скорѣе назадъ.

— Анисимъ, глянь-ка, змѣя на пасхѣ!

— Какая змѣя, ты съ ума сходишь! Откудова?

И самъ пошелъ. И вѣрно, въ чуланѣ на пасхѣ лежитъ змѣя, — живая, шевелится, сипитъ на него. Осмотрѣлся, чего бы такое взять вспороть змѣю. Да ужъ некогда, — вздыбащилась змѣя да на шею ему, обвилась вокругъ шеи и давай грызть.

Онъ ее съ себя рвать, да что ни дѣлаетъ, не отлипаетъ. И закричалъ Анисимъ нѣ въ голову, а она еще крѣпче, еще больнѣе.

Видитъ жена, дѣло плохо, побѣжала на деревню. Собрался народъ. Разсказала она все по порядку, какъ невѣстка приходила, какъ братъ приходилъ...

— Господь, вѣрно, наказываетъ!

Ну, и народъ тоже между собою толкуетъ, что вѣрно за это Господь наказалъ. Да оставить такъ человѣка мучиться не годится и присовѣтовали попробовать молокомъ змѣю утишить.

Достали молока, полили ему на шею, — змѣя лизнула молочка, понравилось, и успокоилась. И стало Анисиму легче,

можно терпѣть. И вышло такъ, что одно средство — поить змѣю молокомъ.

Тутъ Анисимъ къ матери, проситъ прощенье. А она ужъ забыла, не помнитъ на немъ обиды, рада все сдѣлать для сына, лишь бы такъ не мучился, и простила.

Мать простила. Или Богъ не прощаетъ? Змѣя не уходитъ. Какъ обвилась вокругъ шеи, такъ и лежитъ: ѣстъ молоко, — ничего, а нѣтъ молока, — жалитъ.

Простился Анисимъ съ матерью, простился съ женою и братомъ и пошелъ странничать.

Все съ кувшинчикомъ, и самъ не доѣстъ, а змѣю накормитъ. Все для змѣи, чтобы только она сыта была: вѣдь только тогда и свѣтъ видитъ! Пробовалъ кислымъ молокомъ угощать, не принимаетъ. Пробовалъ въ печку лазать париться, не отпуститъ ли отъ духу? И духъ не беретъ, — видно, Богъ ее сохранялъ! — только распарится вся, да пуще и укуситъ.

И такъ странничалъ бѣдняга годъ, и другой, и третій.

Пришелъ онъ на Пасху къ заутренѣ, да ужъ въ церковь-то войти не смѣетъ, на паперти съ нищими сталъ.

Пошелъ крестный ходъ вокругъ церкви, оттѣснили его въ уголокъ, и вотъ ровно сонъ напалъ на него. Вдругъ очнулся, слышитъ: „Христосъ воскресъ!“

— Христосъ воскресъ! — вытянулъ шею, чтобъ изъ-за народа посмотрѣть, да что-то легко будто...

Что такое? — Да змѣи-то нѣтъ больше!

Оттрудился, знать, за обиду, Богъ и помиловалъ.

1915 г.

Заря перегорѣлая.

Мало мы чего знаемъ и понятіемъ, къ чему что, не больно богаты, а помолчать, когда чего не знаешь, на это насъ нѣтъ.

Пахалъ Кузьма пашню, измаялся. И вечеръ сталъ, заря перегорала, а Кузьма все пашетъ. И попадается ему навстрѣчу старичекъ: смотритъ куда-то, будто о чемъ задумалъ.

— Скажи, говоритъ, Кузьма, къ чему это заря перегораетъ?

— Да къ ненастью, старинушка, — отвѣтилъ Кузьма.

Старичекъ его за руку, да черезъ оглоблю, перевелъ черезъ оглоблю — оборотилъ конемъ и ну на немъ землю пахать.

Перегорѣла заря, звѣзды небо усѣяли, мѣсяцъ вонъ-а гдѣ сталъ, когда кончилъ старичекъ пахать, — а это самъ Никола былъ угодникъ. И ужъ еле поплелся Кузьма съ поля домой.

На другой день пашетъ Кузьма, и опять ему старичекъ навстрѣчу.

— Ну, Кузьма, къ чему заря перегораетъ?

А день стоитъ свѣтлый да теплый.

Тутъ Кузьма — вечерошнее-то ему, ой, какъ засѣло! — и повинился, что не знаетъ.

— То-то, не знаешь, а коли чего не знаешь, о томъ помолчи! — сказалъ старичекъ и пошелъ — и пошелъ нашъ угодникъ уму-разуму учить насъ, на думу лѣнивыхъ, гнѣвный, карать неправду, милостивый, жалѣть и собирать насъ разбродныхъ.

1914 г.

Глухая тропочка.

Жили сосѣди, два охотника, и такіе пріятели, водой не разольешь, ходили за охотой, тѣмъ и жизнь свою провождали.

Идутъ они разъ лѣсомъ, глухой тропочкой, повстрѣчался имъ старичокъ. И говоритъ имъ старичокъ:

— Не ходите этой тропочкой, охотники!

— А что, дѣдушка?

— Тутъ, други, черезъ эту тропочку лежитъ змѣя превеликая, и нельзя ни пройти, ни проѣхать.

— Спасибо тебѣ, дѣдушка, что насъ отъ смерти отвелъ.

Старикъ пошелъ — не узнали, за простого человѣка сочли, а это былъ самъ Никола милостивый угодникъ.

Постояли охотники, подумали.

— А что, — говорятъ, — намъ какая вещь — змѣя! Не съ пустыми руками, эвона добра-то! Какъ не убить змѣю?

Не послушали старика, пошли по тропочкѣ и зашли въ чащу дремучую. А тамъ превеликій бугоръ казны на тропочкѣ.

И разсмѣхнулись пріятели:

— Вонъ онъ что, старый хрѣнъ, насказалъ! Кабы мы послушали его, онъ бы казну и забралъ себѣ, а теперь намъ ее не прожить!

Сѣли и думаютъ, что дѣлать: ужъ больно велика казна, на себѣ не дотащить.

Одинъ и говоритъ:

— Ступай-ка, товарищъ, домой за лошадью, на телѣгѣ ее и повеземъ, а я покараулю. Да зайди, братъ, къ хозяйкѣ къ моей, хлѣбца кусочекъ привези, ѣсть что-то хочется.

Пошелъ товарищъ домой, приходитъ домой, да къ женѣ:

— Тутъ-то, жена, что̀ намъ Богъ-то далъ!

— Чего далъ?

— Кучу казны превеликую: намъ не прожить, да и дѣтямъ-то будетъ и внучатамъ останется. Затопи-ка поживѣе печь, замѣси лепешку на ядѣ, на зельѣ. Надо: пріятеля угощу.

Ну, баба смекнула, ждать себя не заставила: живо лепешка поспѣла на ядѣ, на зельѣ. Завернула лепешку, положила ему въ сумку. Запрягъ онъ лошадь и поѣхалъ.

А товарищъ тамъ, сидючи надъ золотой кучей, о своемъ раздумался, зарядилъ ружье и думаетъ:

„Вотъ какъ пріѣдетъ, я его и хлопну — всѣ деньги-то мои и будутъ! А дома скажу, что не видѣлъ его!“

Подъѣзжаетъ къ нему пріятель, онъ прицѣлилъ, да и хлопъ его, а самъ къ телѣгѣ, да прямо въ сумку, проголодалъ очень,— лепешечки поѣлъ и тоже свалился.

А казна такъ и осталась никому.

1914 г.

Заяцъ съѣлъ.

Хорошъ былъ для міру кузнецъ: въ кузницѣ работалъ, за работу ни съ кого не бралъ, кто что дастъ только. За своего пошелъ кузнецъ среди бѣдныхъ людей, всѣ его очень любили; узнали и чужестранные, стали ѣздить на праведнаго кузнеца посмотрѣть. И жилъ кузнецъ хорошо и спокойно, ни въ чемъ нужды не зналъ и всѣмъ былъ доволенъ.

Вотъ и приходитъ къ нему разъ старичокъ какой-то. Это самъ Никола угодникъ пришелъ испытать его.

— Что, говоритъ, кузнецъ, какъ ты работаешь, за какую работу что берешь?

— Кто что дастъ.

— Какая это твоя работа! Пойдемъ со мной, я лѣкарь. И брать ничего не будемъ, а денегъ большихъ добьемся.

Подумалъ кузнецъ, подумалъ, чего же не пойти, коли такое дѣло: и міру польза и душѣ не обида. И согласился.

И они пошли.

А взяли они съ собой въ дорогу одинъ кошель съ хлѣбомъ, а хлѣба тамъ всего-то по такому кусочку. Старикъ ходко идетъ, и хоть-бы что, а кузнецъ едва ужъ ноги тащитъ: и усталъ, и ѣсть захотѣлъ. Наконецъ-то старичекъ вздумалъ сѣсть отдохнуть.

Тутъ кузнецъ за кошель, развязалъ кошель, вынулъ по кусочку. Старичокъ и къ хлѣбу не притронулся, въ кошель назадъ положилъ, всталъ себѣ, да въ сторонку, за хворостомъ, хворостъ посбирать. А кузнецъ весь хлѣбъ свой съѣлъ — ѣсть

еще больше хочется, съѣлъ и стариковъ хлѣбъ, да, чтобы концы въ воду, кошель и закинулъ, легъ и заснулъ.

Будитъ старичокъ кузнеца.

— Гдѣ, говоритъ, кошель?

— Не знаю.

— Гдѣ хлѣбъ?

— Гляди, заяцъ съѣлъ!

Заяцъ, такъ заяцъ, ничего не подѣлаешь.

Смотритъ старичокъ. И хочется кузнецу правду сказать, да какъ сказать: вѣдь всего этакій кусочекъ съѣлъ!

— Ну, ладно, — сказалъ старичокъ, — пора за дѣло. Пойдемъ къ морю, за моремъ царь живетъ, у царя дочь больна, вылечимъ царевну.

И дошли они до моря, а лодокъ нѣтъ. Айда по морю. Кузнецъ едва поспѣваетъ. Середь моря зашли, сталъ старичокъ.

— Кузнецъ, ты съѣлъ мою долю?

— Нѣтъ! — и сталъ кузнецъ по колѣно въ водѣ.

— Не ты?

— Нѣтъ.

Старичокъ посмотрѣлъ. А у кузнеца сердце упало: признаться-бъ, да какъ признаешься: вѣдь всего этакій кусочекъ!

— Ну, пойдемъ.

Вышли они на берегъ и сказались, что лѣкаря: нѣтъ ли больныхъ гдѣ?

— У царя, — говорятъ, — три года царевна хвораетъ, никто не могъ вылѣчить.

Донесли царю. И сейчасъ же царь пришлыхъ лѣкарей призвалъ.

— Можете вылѣчить дочь?

— Можемъ, — сказалъ старичокъ, — отведи намъ особу комнату на ночь, да изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды. На утро за одну ночь здрава будетъ.

Отвелъ имъ царь комнату, самъ и воды принесъ. И остались они съ хворой царевной.

Старичокъ разрѣзалъ ее на четверо, разложилъ куски, перемылъ водой, и опять сложилъ, водой спрыснулъ, — царевна здрава стала.

Кузнецъ глядитъ, глазамъ не вѣритъ.

Наутро стучитъ царь съ царицей.

— Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

Взялъ царь лѣкарей въ свою главную палату, угостилъ ихъ и открылъ передъ ними сундуки съ казной: одинъ сундукъ съ мѣдью, другой съ золотомъ, третій съ бумажками, — бери сколько хочешь!

— Что, — спрашиваетъ старичокъ кузнеца, — доволенъ деньгами?

— Доволенъ, — говоритъ, — доволенъ.

— И я доволенъ.

Попрощались съ царемъ и пошли изъ дворца, понесли казну большую.

— Пойдемъ, — сказалъ старичокъ, — теперь къ купцу, купцова дочка хвораетъ, вылѣчимъ ее, еще больше денегъ дадутъ.

А купецъ ужъ идетъ, кланяется.

— Вылѣчите, дочь больна!

— Вылѣчимъ, — сказалъ старичокъ, — отведи намъ особу комнату на ночь и изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды. На утро за ночь здрава будетъ.

Натаскалъ купецъ воды, привелъ дочь, оставилъ съ ними.

Старичокъ говоритъ кузнецу:

— Видѣлъ, какъ я дѣлалъ?

— Видѣлъ.

— Ну, дѣлай, какъ я.

Кузнецъ разрѣзалъ купцову дочь, а сложить не можетъ. И до разсвѣта бился, ничего не выходитъ. Старичокъ видитъ, кузнецово дѣло плохо, взялъ, сложилъ куски, водой спрыснулъ — стала купцова дочка здрава.

Стучитъ отецъ.

— Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

И угостилъ ихъ купецъ и денегъ далъ много. Старичокъ за деньги не брался, а бралъ кузнецъ и напихалъ полную пазуху бумажекъ, фунтовъ десять.

— Довольны?

— Довольны, хозяинъ.

Простились съ купцомъ и пошли къ Волгѣ въ кузнецово село.

Старичокъ и говоритъ:

— Давай, кузнецъ, деньги дѣлить. Я отъ тебя уйду, а ты домой ступай.

И началъ кузнецъ раскладывать казну на двѣ кучки — тому кучка и другому кучка. Самъ раскладываетъ, а самому такъ глаза и жжетъ, вотъ подвернется рука и себѣ переложитъ.

— Что, кузнецъ, раздѣлилъ?

— Раздѣлилъ.

— Поровну?

— Поровну.

— Ты у меня не укралъ ли?

— Нѣтъ.

— Бери себѣ всѣ деньги, только скажи мнѣ: это ты тогда съѣлъ кусочекъ или заяцъ?

— Я не ѣлъ твой кусочекъ! — и сталъ кузнецъ по колѣна въ землѣ.

— Скажи, не ты ли? Деньги мнѣ не надо, все твое.

— Нѣтъ! — и сталъ кузнецъ въ землѣ по шейку.

— Когда ты неправду говоришь, такъ провались ты въ преисподнюю отъ меня!

Кузнецъ и провалился, и деньги за нимъ пошли.

1914 г.

Праведный судья.

Гдѣ ихъ искать, судей праведныхъ? А вотъ былъ одинъ такой, и далеко, куда за Москву, и по Сибири шла о немъ слава. Случись что, споръ, иди къ Кузьмичу: Кузьмичъ все разсудитъ.

Заѣхалъ разъ къ одной вдовѣ человѣкъ проѣзжій, а жила вдова на большой дорогѣ, постоялый дворъ держала, баба хозяйственная.

Пріѣхалъ этотъ самый человѣкъ на жеребцѣ, вошелъ въ домъ, поздоровался и спрашиваетъ:

— Что у тебя, тетка, кобыла-то жерёба?

— Нѣтъ, батюшка, не благословилъ Богъ.

— Ну, а у меня жеребецъ-то жерёбый.

Ну, жерёбый, такъ жерёбый, мало что другой по позднему времени и не такое еще скажетъ.

Чуть свѣтъ поднялась баба — по хозяйству все нужно справить, вышла во дворъ кобылу свою попоить, глядь, а по двору жеребенокъ бѣгаетъ. Вотъ Богъ-то послалъ нежданно! Ну, пока то да сё, проснулся и гость проѣзжій, заглянулъ въ окно, жеребенка увидѣлъ. Баба самоваръ несетъ, а сама, что самоваръ.

— Вотъ у меня кобыла-то ожеребилась!

— Какъ у тебя?

— А что-жъ, у тебя что-ли?

— Да вѣдь, ты-жъ вчера говорила, что у тебя кобыла не жерёба. Извѣстно, это моего жеребца жеребенокъ!

— Нѣтъ, мой!

Дальше, да больше, пошелъ споръ. И вѣдь, баба-то тихая, а до того увѣрилась, что это ея жеребенокъ, — да какъ-же иначе-то? — глаза выцарапаетъ, не уступитъ.

— Пойдемъ къ Кузьмичу! Я на тебя, окаяннаго, найду управу.

— Пойдемъ!

И пришли къ праведному судьѣ и разсказали ему все, какъ было. Выслушалъ Кузьмичъ каждаго по-очереди и велѣлъ обоимъ выѣхать на перекрестокъ: бабѣ — на кобылѣ, а проѣзжему человѣку — на жеребцѣ.

Сказалъ праведный судья:

— За кѣмъ жеребенокъ побѣжитъ, та лошадь и ожеребилась.

Пустили жеребенка.

И побѣжалъ жеребенокъ за жеребцомъ.

А разъ побѣжалъ, такъ тому и быть.

Баба судьѣ покорилась, повела домой кобылу на постоялый дворъ, на себя серчала: и какъ это она пошла на такое, ей-ли не извѣстно, что проста ея кобыла, только зря время потратила, да себя и другого въ грѣхъ ввела.

А проѣзжій человѣкъ забралъ своего жеребца. Судьѣ низкій поклонъ.

— Спасибо, что разсудилъ по правдѣ.

Видитъ судья, не простой этотъ человѣкъ проѣзжій, позвалъ его къ себѣ на бесѣду.

Посидѣли, потолковали. Другъ другу по душѣ пришлись.

Проѣзжій и говоритъ:

— Пойдемъ теперь ко мнѣ.

— Ну, что-жъ, пойдемъ! — очень ужъ человѣкъ-то мудреный, какъ не пойти къ такому.

Вышли изъ воротъ. Судья остановился, прислушался.

— Что это, дома-то воютъ будто?

— Да это по тебѣ, Кузьмичъ: вѣдь, душа-то твоя со мною.

— Вотъ оно какъ! — и пошелъ по дорожкѣ съ гостемъ въ гости, откуда нѣтъ ужъ возврата.

Праведныхъ-то судей, видно, Богъ къ себѣ беретъ: Ему нужны.

1915 г.

СкоморошикЪ.

Вздумалъ одинъ человѣкъ на старости лѣтъ Богу потрудиться, поселился въ лѣсу и сталъ жить одинъ въ своей кельѣ, какъ пустынникъ. А оставались у него на возрастѣ дѣти, отца почитали, — вотъ навезутъ они въ лѣсъ ему всякихъ разныхъ закусокъ, рыбъ всякихъ копченыхъ, икорки и селедокъ, ну ничего ему и не надо, помолится, поѣстъ и спать. Такъ мирно шли дни безъ грѣха и соблазна въ пустынѣ.

Разъ наѣлся пустынникъ соленыхъ копчушекъ, прохладился чайкомъ, вышелъ изъ кельи, прилегъ на заваленку, и спитъ.

Идетъ мимо старичекъ.

— Миръ твоему кормному борову лежать!

— Я пустынникъ, я Богу тружусь!

— Богу тружусь!—смотритъ старичекъ, а это былъ самъ Никола угодникъ,—наѣшься, напьешься, да спишь, экій трудъ! А ты въ городъ иди, тамъ есть Вавило скоморохъ, коли его трудъ перенесешь, будетъ толкъ, въ царствіе небесное угодишь.

— А какимъ онъ, дѣдушка, трудомъ трудится?

— Да ужъ какъ сказать какимъ, только слышно про него, колоколъ далеко звонитъ.

И пошелъ старичекъ — Никола угодникъ нашъ.

А пустынникъ и раздумался. И вправду, какой его трудъ: поѣстъ, попьетъ и спать! — но какой же долженъ быть тотъ скоморошій трудъ, чтобы толкъ былъ, въ царствіе небесное попасть?

Бросилъ пустынникъ свою келью и пошелъ въ городъ скомороха Вавилу искать, потрудиться его трудомъ.

И не долго по улицамъ плуталъ пустынникъ, живо ему дорогу показали. И удивился пустынникъ: кого онъ ни спрашивалъ о скоморохѣ, всѣ ему сердечно отвѣчали, и не потому, чтобы самъ онъ располагалъ къ доброму отвѣту, а потому, что спрашивалъ о скоморохѣ, о скоморошикѣ, какъ величали Вавилу люди, словно ужъ въ самомъ имени въ скоморошьемъ было что-то и пріятное и доброе людямъ.

Подошелъ пустынникъ подъ скоморошье окошко. А у скомороха были двѣ женки — родныя сестры, стерегли Вавилу.

— Здѣсь Вавило скоморохъ?

— Здѣсь.

Женки впустили пустынника въ домъ.

— Гдѣ скоморошикъ?

— На игрищахъ играетъ.

— На какихъ?

— Да у губернатора, тамъ скачетъ и пляшетъ.

— А скоро придетъ?

— Придетъ, какъ первы кочета споютъ, либо привезутъ.

Присѣлъ пустынникъ, ждетъ скомороха. Ждать пождать, стало ко сну клонить, а скомороха все нѣтъ.

Первые пѣтухи пропѣли, пришелъ домой Вавило.

— Чей это старичокъ?—спрашиваетъ у своихъ женокъ.

— Тружельникъ изъ лѣсу.

Пустынникъ къ скомороху, разсказалъ Вавилѣ, какъ одинъ старичекъ прохожій наставилъ его итти въ городъ, отыскать скомороха и потрудиться скоморошьимъ трудомъ.

— Эхъ, дѣдушка, какой мой трудъ! Я только скачу да пляшу, огонь да гвозди глотаю, вотъ и весь трудъ.

— А хочу тебя спросить, скоморошикъ, какую ты пищу ѣшь?

— Моя пища: сухая крома́, да пустая вода. Вотъ мои женки поятъ, кормятъ меня и на постелю кладутъ.

— Я хочу, Вавило, твой трудъ понести.

Разсмѣялся скоморохъ.

— Не доведется это тебѣ: тяжелъ. Посмотрите, какой я тощой, и этакъ и такъ перевьюсь. Нѣтъ, дѣдушка, безъ привычки надорвешься.

Вотъ утромъ рано пріѣзжаетъ человѣкъ за скоморохомъ.

— Дома скоморошикъ?

— Дома.

— Пожалуйте къ Овошину на именины.

— Ступай съ Богомъ. Пѣшкомъ приду, только умоюсь.

Разбудилъ скоморохъ пустынника-гостя. Сѣли завтракать: женки скоморошьи дали имъ по куску хлѣба.

— Ну, другъ, пойдемъ на именины.

— Пойдемъ, Вавило, а какой тамъ твой трудъ будетъ?

— Пустяки, только сапоги надѣть.

— И я твои сапоги надѣну.

— Что-жъ, попробуй.

Захватили они съ собой сапоги, отправились къ Овошину на именины.

Не велики сапоги скоморошьи, а легки, что лапотки самые малые. Вавило обулся и ну скакать и плясать. А пустынникъ, какъ влѣзъ въ нихъ, такъ и почувствовалъ — тамъ были гвозди вершковые понатыканы. И проголодался, а съ мѣста сойти не можетъ: гдѣ посадили на стулъ, тамъ и сидѣлъ.

Вавилѣ привычно, — скачетъ и пляшетъ. И до пѣтуховъ скакалъ скоморохъ и плясалъ.

— Пойдемъ, братъ тружельникъ, домой.

Старикъ чуть не плачетъ. Кое-какъ поднялся, но и полпути не прошелъ: ноги итти отказываются, и пятки больно. Вавило попросилъ человѣка довезти старика до двора. И поѣхали.

Пріѣхали въ скоморошій домъ.

— Ну, что, дѣдушка, хорошъ мой трудъ?

— Хорошъ, скоморошикъ, очень хорошъ.

— А ты?

Старикъ снялъ сапоги, а сапоги полны крови.

— Попытаю еще, какой твой трудъ есть, — сказалъ старикъ, — переночую ночь.

Сѣли ужинать. Дали имъ женки сухую крому, да теплой водицы. Позаправились — краюшка-то не больно сытна, да дѣлать нечего.

— Ну, женки, спать хочу, положите меня на постелю!

А постель у скомороха въ сѣняхъ была, на вольномъ воздухѣ.

Взяли его женки за руки, за ноги, раскачали да на кровать и шваркнули.

Старикъ — за столомъ, видитъ, что дѣлается, и говоритъ скоморошьмъ женамъ:

— Надо и мнѣ этакій трудъ понести.

Женки его за руки, за ноги да къ Вавилѣ на постель и кинули. И впіялись въ него гвозди лютѣй сапожныхъ.

И лежалъ старикъ, какъ камень, ночь-то.

До свѣту пріѣхали за скоморохомъ, зовутъ на крестины.

Легко поднялся скоморошикъ, а старикъ ни рукой, ни ногой пошевельнуть боится. Позвалъ Вавило женокъ.

— Сымите, — говоритъ, — тружельника съ моей постели.

Женки взяли старика подъ руки и привели въ комнату.

— Что, дѣдушка, пойдемъ со мной?

— Нѣту, скоморошикъ.

— Что такъ?

— Не могу. Великъ твой трудъ, Вавило! Тебѣ велѣлъ Господь снесть и неси, а я не могу. Чую, не дойти до двора къ дѣтямъ. Прощай, скоморошикъ.

— Прощай! А коли хочешь, иди со мной.

Старикъ ушелъ. Старикъ видѣлъ трудъ и самъ потрудился, теперь не надо ему и лѣсной его кельи, какъ-нибудь тихонько проживетъ онъ съ дѣтьми, ему и жить-то осталось не много.

А скоморошикъ скакалъ и плясалъ: день скакалъ на именинахъ, другой — на крестинахъ, третій — на свадьбѣ, четвертый — такъ, людямъ на развлеченье.

Выдался свободный денекъ, сидѣлъ скоморохъ у солдатика въ гостяхъ въ казармѣ, чесалъ языкомъ, прибаутки сыпалъ.

Солдатикъ вдругъ всполошился.

— Вавило, — говоритъ, — за твоей душой пришли.

— Кто?

— Святы ангелы.

— Каки ангелы?

— Нѣтъ, ступай Вавило. Прощай скоморошикъ!

Дѣлать нечего, простился скоморохъ съ пріятелемъ и пошелъ домой.

А дома видитъ ужъ гробъ стоитъ и женки ревутъ.

— Ложись, скоморохъ, — ревутъ, — въ гробъ!

Легъ. Лежитъ Вавило въ гробу.

Голубь влетѣлъ.

— Ты голубь?

— Голубь.

— Какой ты голубь?

— Твой святой ангелъ. Тебя, скоморошикъ, Богъ наградитъ!

Тутъ скоморошикъ и покончился.

1915 г.

Награда.

Трудился труженникъ въ пустынѣ тридцать лѣтъ. И всѣ тридцать лѣтъ дьяволъ только и думалъ, какъ бы смутить старца. Ужъ какъ слѣдилъ его, а нѣтъ, ни такъ, ни сякъ не уловитъ. И нашелъ-таки лазейку! Былъ очень жалостливъ старецъ, вотъ ему прямо въ сердце дьяволъ и направилъ свой рогъ базучій.

Ночнымъ бытомъ всталъ старецъ на молитву и слышитъ, тоненько такъ гдѣ-то подъ дверью плачетъ, — два голоса дѣтскихъ.

„Боже милостивый! Что такое? Два голоса дѣтскихъ!“

Сотворилъ старецъ молитву, вышелъ изъ кельи, а на порогѣ у двери — дѣвочка и мальчикъ, и ручонками тянутся къ старцу.

Старецъ было за дверь: очень испугался.

„Куда мнѣ дѣвать ихъ? Что съ ребятами дѣлать, маленькіе?“

Да разсуждать не время: плачутъ ребятишки, попить просятъ. Онъ ихъ и забралъ къ себѣ въ келью.

И сталъ старецъ поить и кормить дѣтей. А они, карапузы, такъ и тормошатъ, подымутъ возню: и ужъ онъ вродѣ лошадки, и они на немъ скачутъ, а то будто быкъ, да бодаетъ-то не онъ, а его, и какъ норовятъ побольнѣе — кулаченки такъ поставятъ рогами, да съ налету въ него — и грѣхъ, и смѣхъ.

Какая тамъ молитва! Днемъ съ кормомъ — покормить, вѣдь, надо, какъ слѣдуетъ, а это не такъ-то просто, вечеромъ — съ игрою, время и пройдетъ. И хоть бы ночью, растормошатъ и ночью: то сказку разсказывай, то страшно, то бѣда какая.

Извелся совсѣмъ старецъ, но чтобы Богу пожаловаться, этого ему и въ мысляхъ ни разу не пришло: вѣдь за всѣ тридцать лѣтъ пустынныхъ въ первый разъ позналъ онъ въ своемъ сердцѣ эту радость — вотъ такъ съ малыми ребятами возиться! Забылъ и о дьяволѣ думать. Видно, Божья это ему награда за тридцать его трудныхъ лѣтъ! И ничего ужъ не просилъ у Бога, только благодарилъ Бога.

А ребятишки ростутъ и ростутъ, и много-ль прошло, а они ужъ вотъ какіе: лѣтъ пятнадцать и больше. Извѣстно, какъ роду нечистаго духа и ростутъ не по-нашему.

Дѣвченка-то стала разумѣть. Выпадетъ часъ старцу стать на молитву — Бога поблагодарить, а она съ нимъ играть. И чѣмъ дальше, тѣмъ пуще эта ея игра. Стала старца къ худымъ дѣламъ притѣснять: ночью мальчишка заснетъ, а она соскочитъ съ кровати и виснетъ.

— Меня, — говоритъ, — скука обуяла!

Ну, и смутила старца, поддался онъ на худое дѣло.

— Худое дѣло дѣлать будемъ, а куда братишку твоего дѣнемъ?

— А давай убьемъ!

А который дьяволъ все это дѣло затѣялъ, — ребятъ-то подъ дверь подкинулъ, — стоитъ у дверей да караулитъ: то-то ему радость, вотъ онъ сейчасъ такъ и сглотнетъ старца, и куда весь его трудъ пустынный!

— Бери топоръ, — говоритъ дѣвченка, — я Ванюшку свалю, а ты голову руби!

Вышелъ старецъ изъ кельи, вернулся съ топоромъ. Дѣвченка на брата, и не то что свалила, а самъ онъ легъ. Тутъ подскочилъ старецъ, да топоромъ его по шеѣ, кровь такъ и брызнула, а голова прочь.

— Куда мы его дѣнемъ? — мечется старецъ по кельѣ: кровью-то, знать, ударило.

— Открывай половицу въ подполъ! — кричитъ дѣвченка.

Старецъ за половицу, бился, бился, едва открылъ, взялъ мальчишку въ беремя и хочетъ мальчишку въ подполъ ссунуть, да никакъ не выходитъ, тычется на мѣстѣ, и самъ весь въ крови.

А дьяволъ тутъ-какъ-тутъ, отбилъ дверь, будто человѣкъ какой прохожій, да въ келью.

Дѣвченка къ нему, повисла на шеѣ, дрожитъ вся, и горько такъ заплакала:

— Батюшка, родимый мой, кому ты оставилъ насъ? Меня замучалъ къ худымъ дѣламъ, а брату вонъ отрубилъ голову.

И ужъ полна келья, Богъ его знаетъ, кто набѣжалъ, — лягастые, квакастые и ивкаютъ, и гайкаютъ, ногами затопали, прыгаютъ, хлопаютъ, и всѣ на старца, да какъ вцѣпятся и потащили...

— Наша! Наша душа! — и потащили.

А самъ дьяволъ-то по головкѣ его, по головкѣ...

— Погляди-ка мнѣ черезъ лѣвое-то плечо! Сколько лѣтъ я ходилъ, сколько лаптей проносилъ, да вотъ и уловилъ голубчика!

Тутъ старецъ словно бы опамятовался, — оградился крестомъ.

— Нѣтъ, ты погляди мнѣ черезъ правое-то плечо!

Бѣсъ поглядѣлъ, да такъ и согнулся.

— Святый Боже, Святый Крѣпкій! — душу несли его ангелы съ пѣніемъ райскимъ.

И всѣ бѣсы, кто какъ былъ, такъ и проскочили сквозь землю.

1915 г.

Семь бѣсовъ.

1.

Есть такіе города у насъ на матушкѣ на Руси, куда въ Христову ночь не только серебряный кремлевскій ясакъ, а зазвони и самъ царь-колоколъ, самъ царь-колоколъ не донесетъ.

Въ Сольвычегодскѣ на пустынномъ усольѣ, гдѣ надъ холмиками-домами однѣ церкви-кресты стоятъ, тамъ случается, задастся годъ, и счастливые въ полночь слышатъ звонъ... разливной, гудётъ по Устюжинѣ шире Сухоны, Лузы, Юга и Вычегды — „Христосъ воскресъ!“. А Сольвычегодскъ вѣдь — на полпути отъ той дебери печорской, гдѣ намъ выпало провождать дни, и среди насъ Винокурову съ замоскворѣцкихъ Толмачей.

Человѣкъ по языку и ухваткамъ московскій, жилистый и упорный, отъ крѣпкаго кореня гостя московскаго, былъ Винокуровъ не безъ того... и чѣмъ кончилъ, одному Богу извѣстно. А ожидать всего можно было, и сказывали — лѣтъ пять назадъ такой слухъ прошелъ, — будто ужъ вольный, очищенный отъ грѣховъ всякихъ, попался онъ въ мошенничествѣ и угнанъ подъ наказаніе. Впрочемъ, можетъ, и невѣрно все, и живетъ онъ себѣ, слава Богу, гдѣ у печенгскихъ старцевъ въ работѣ духовной, да китовъ ловитъ мурманскихъ, либо на Алтаѣ гдѣ дѣла дѣлаетъ, либо... и совсѣмъ недѣльно, замореный, гнетъ свою линію дѣловую въ Петроградѣ на Невѣ-рѣкѣ. Мы его семь бѣсовъ называли. А окрестилъ его такъ Костровъ Ве-

деней НиканорычЪ, человѣкЪ учительный и верховой, съ тѣмЪ и пошло.

— Семь бѣсовЪ да семь бѣсовЪ!

Ну, и ничего... только посмѣивается.

И вѣдь такЪ сидитЪ, бывало, ничего — вѣчно подЪ носомЪ книга, любилЪ книгу, и за годЪ комната его прибралась, что библіотека. И невзначай такЪ спросишь о чемЪ, толково-таки отвѣтитЪ и примѣрЪ приведетЪ... только эти его примѣры, — а онЪ любилЪ приводить, — поясняли, да не то совсѣмЪ, а то и совсѣмЪ обратное. Правда, эту слабость свою зналЪ онЪ за собой лучше всякаго, да не очень смущался.

— Самое для меня трудное было, — вспоминалЪ онЪ о годахЪ своихЪ ученическихЪ, — это когда задастЪ, бывало, учитель примѣры приводить: ужЪ какЪ стараюсь, и все мимо. Ну, а за то по геометріи любую теорему отЪ противнаго докажу.

По геометріи-то возможно... да это онЪ такЪ про геометрію, — сочиненія ему всегда давались легко!

И бывали вечера, соберутся кЪ нему гости, и все по-путному, примется какую исторію разсказывать, и скажу, ей Богу, иной разЪ за сердце тронетЪ. И ужЪ думаешь, да не ошибаемся ли, бѣсовЪ-то вЪ человѣкѣ выискивая?

— Семь бѣсовЪ, да семь бѣсовЪ!

И не вЪ тебѣ ли они самые завелись, за носЪ тебя водятЪ?

И станетЪ скучно. И придумываешь, чѣмЪ бы такое вину загладить.

А пройдетЪ день, другой, и только-что быка за рога, глядь, а онЪ снова — и весь тутЪ и всѣ бѣсы его.

— Семь бѣсовЪ.

БылЪ одинЪ изЪ заключевниковЪ нашихЪ ШведковЪ несчастный, глаза вЪ жизни лишился, и при женѣ своей жилЪ вродѣ какЪ помогалЪ ей: если шила, — машинку вертѣлЪ, — и такой, вЪ чемЪ душа, а по этой части, хлѣбомЪ не корми. У Винокурова, какЪ извѣстно, частенько и хозяйскія и сосѣдскія дѣвицы находомЪ гостили и Шведкову это на руку — ему, вѣдь, хоть около постоять, праздникЪ! ВотЪ онЪ и притащится и войти-то войдетЪ честь-честью, а тотЪ какЪ свиснетЪ подрушнымЪ, — такіе всегда водились изЪ своихЪ же, — и они

на Шведкова разомъ, да все съ него срывомъ. И ужъ въ чемъ мать родила при всемъ честномъ народѣ визжитъ несчастный, тычется и ловитъ, чтобы какъ-нибудь прикрыться, — потѣха!

Винокурову потѣха — отъ хохота трясется.

И безъ пира вечеръ проходитъ весело.

И еще былъ одинъ Штыкъ, въ дѣлѣ своемъ дѣльный, тихій и работящій простой человѣкъ, и затѣялъ этотъ самый Штыкъ въ простотѣ своей заняться какимъ-нибудь предметомъ, всѣ вѣдь скуки ради для развитія своего за что-нибудь принимались. И Винокуровъ его по-итальянски училъ. Старался Штыкъ несчастный, изъ кожи лѣзъ, но и въ русской-то грамотѣ слабый, совсѣмъ съ толку сбился. И какъ, бывало, примется Винокуровъ съ нимъ по-итальянски объясняться, со смѣха животъ надорвешь.

Какую угодно дурость надъ человѣкомъ сдѣлаетъ, не облизнется.

Тоже студентъ Снеткинъ... былъ такой у насъ, большой спорщикъ, человѣкъ общественный, какъ самъ величалъ себя, съ утра, бывало, выйдетъ изъ дому и до вечера по знакомымъ и все говоритъ — и какъ говорилъ! — съ одного, не поспѣешь и слова ввернуть. И влюбился студентъ Снеткинъ въ устьвымскую учительницу Налимову и все, какъ слышно, сговорено у нихъ было и, какъ кончится срокъ, обвѣнчаются. Конечно, дѣло велось въ большой тайнѣ, да развѣ утаишь чего, и особенно въ такомъ дѣлѣ? Винокурову все было извѣстно.

И случилось какъ-то, поѣхалъ Снеткинъ въ отпускъ, — разрѣшили, — пробылъ тамъ съ мѣсяцъ и благополучно вернулся и прямо къ Винокурову съ разговоромъ. Слушалъ его, слушалъ Винокуровъ и часъ и другой и третій, изловчился, наконецъ, да въ передышку такъ, будто мимоходомъ:

— А слышали, говоритъ, — Василій Васильевичъ, Налимовато замужъ вышла?

Тотъ только глаза вытаращилъ, заплеснуло въ головѣ, сказать ничего не можетъ.

— И точно не знаю, — продолжалъ Винокуровъ, — за Колесникова, кажется...

А того, какъ варомъ, — Колесниковъ телеграфистъ, дѣйствительно, пріударялъ за учительницей! — да живо за дверь, да бѣгомъ. И съ той поры — будетъ! — никакимъ разговоромъ къ Винокурову съ разговорами не затащишь.

Учительница-то устьвымьская, Налимова, конечно, и не думала выходить замужъ, а несчастный чуть не рехнулся.

Да то ли еще, много чего видывали, и слышали, и испытывали отъ бѣсовъ Винокуровыхъ: замутить, въ грѣхъ втянуть человѣка ему ничего не стоило.

Спуталъ молодежъ нашу съ наблюдающимъ — былъ такой наблюдающій при полиціи забитый человѣкъ Фыркинъ, должность его была провѣрная въ родѣ сыскной, а дара отъ Бога не отпущено: и то услѣдитъ, что подъ дозволеніемъ, и проворонитъ такое, того и гляди въ шею погонятъ. Съ этимъ-то Фыркиномъ и свелъ Винокуровъ, ну и началась всякая удаль съ пьянствомъ и буянствомъ, и ужъ самъ исправникъ Сократъ Дмитріевичъ Гусевъ замѣчаніе сдѣлалъ, что не годится, а Фыркина самого подъ надзоръ поставилъ.

2.

А скучное житье наше было!

Сядешь, бывало, у окна, — печка натоплена жарко, — тепло, грѣешься и смотришь. А въ окнѣ — снѣгъ, и пока глазъ хватаетъ, все снѣгъ — ровный бѣлый, и лишь сторонкой частоколъ черный — лѣсъ, и въ лѣсу тамъ не только Медвѣдь Медвѣдичъ, сама Яга Ягишна собственный домикъ имѣетъ на козьихъ рожкахъ, на бараньихъ ножкахъ: тамъ имъ попить, тамъ имъ поѣсть! Любо и вѣтру — безрукому дѣду — у! какъ выйдетъ гулять, крыши долой такъ и рветъ. Да и мѣстный житель, испоколѣнно который на землѣ трудится, такъ свою жизнь поведетъ, ему не до скуки. Съ работой нешто скучаютъ? А ее вездѣ найдешь: и въ аду найдешь, коли обживешься, а не то что тутъ, среди снѣговъ и теми въ большую зимнюю пору и долгихъ бѣлыхъ, какъ день, ночей съ незакатнымъ весеннимъ солнцемъ. Ну, а такъ человѣку пришлому, заключевнику, скучно.

Скучно — въ глазахъ бѣлый снѣгъ — пустынно...

Хорошо, конечно, на возрастѣ лѣтъ для души въ пустынѣ пожить, подумать. Да опять же безъ работы не справиться и, какъ пить, съ лѣствицы скувырнешься. Сами старцы, доброй волей удалявшіеся въ пустыню, прямо говорятъ, что въ пустынѣ жить безъ работы невозможно, — тамъ уныніе находитъ и печаль и тоска велика. А нашъ возрастъ-то, за малымъ исключеніемъ, голоусый и думать намъ еще не о чемъ было: у насъ не было ни бѣлаго дня, ни краснаго солнца, ни блеклой луны, ни частыхъ звѣздъ, ни глухой полночи, еще надо было добыть ихъ, — ничего мы въ жизни не сдѣлали, намъ дѣло дѣлать надо было, не покладая рукъ, силы свои расточать для родины, строить землю — кормилицу нашу, людей смотрѣть да себя показывать.

И такъ худо, — безвременно, да еще и дѣла нѣтъ, — совсѣмъ плохо.

Сами видите, какъ человѣка судить, если другой разъ не выдержишь, поддашься бѣсамъ Винокуровымъ.

И скажу не въ осужденіе, участь эта дурацкая не миновала ни единаго изъ насъ: всѣ мы такъ или этакъ, а въ лапы его попадались. И только одинъ изъ всѣхъ насъ старѣйшій Костровъ Веденей Никанорычъ, человѣкъ учительный и верховой, стоялъ твердо на-стражѣ.

У всѣхъ у насъ грѣшки водились, ну, человѣческіе, по слабостямъ душевнымъ и тѣлеснымъ, а ужъ Веденея Никанорыча ни въ чемъ не попрекнешь. И потрудился онъ немало на своемъ вѣку, съ народомъ пожилъ, поучился и самъ уму-разуму поучилъ. И живи онъ одиночно, былъ бы прокъ для него и въ семъ нашемъ житіи пустынномъ: по лѣствицѣ исхитрился бы подняться и съ Божьей помощью за годъ какой дошелъ бы до разсмотрѣнія дѣлъ человѣческихъ и разсужденія. Да бѣда въ томъ, что не одиночно жилъ онъ, насъ орава неприкаянныхъ вѣчно на глазахъ у него: тотъ клянчитъ, другой жалуется, третій нюнитъ, пятый бѣснуется. Зрителемъ да наблюдателемъ безгласнымъ онъ не могъ оставаться, вотъ и хороводился съ нами, и за нашимъ назоемъ, ужъ о своемъ ему подумать часу за день не доставало, и только что ночнымъ бытомъ.

За годъ заключевной жизни своей снискалъ себѣ Веденей Никанорычъ всеобщее уваженіе и самъ Сократъ Дмитріевичъ

Гусевъ, нашъ исправникъ, если что надобно бывало, — выходило ли распоряженіе отъ губернатора, либо по собственному какому своему наказу, вызывалъ къ себѣ одного Кострова, и наоборотъ, если случалось недоразумѣніе, шелъ за всѣхъ Веденей Никанорычъ. И на почтѣ довѣренность Кострова стояла высоко. Писемъ получалъ онъ со всей Россіи и самъ писалъ во всѣ края и по этимъ письмамъ почтмейстеръ Запудряевъ доподлинно удостовѣрился, что Веденей Никанорычъ человѣкъ правильный, да, кромѣ того, по собственному признанію Запудряева же, Костровы письма доставляли большое развлеченіе и сердцу отраду.

Веденей Никанорычъ кореня костромского и рѣчь его округлая.

И какъ станетъ, бывало, въ красный уголъ подъ вербушкой, — „власы поджелты, брада Сергіева", умилишься, глядя.

„Эхъ, — подумаешь, — Веденей Никанорычъ, отецъ, да быть бы тебѣ старцемъ, проводить житіе во пустынѣ среди полей родимыхъ Богу на послушанье, людямъ въ наученье, какіе тамъ цвѣты расцвѣтаютъ, какіе колокольчики... жить бы тебѣ во пустынѣ въ келейкѣ у березокъ — бѣлыхъ сестеръ благословенныхъ!"

Веденей Никанорычъ въ міру жилъ, хотѣлъ устроить жизнь нашу по совѣсти. Сызмлада отъ житій угодниковъ нашихъ, хранителей правой милосердой святой Руси, запало ему въ душу. Веденей Никанорычъ въ міру жилъ и, дѣлая дѣло прямое и полезное, видимое и понятное на сей день съ его бѣдой и горемъ, несправедливостью и безсовѣстностью, и, какъ всѣ мы, ошибаясь и плутая въ средствахъ устроить этотъ сей день, никогда не забывалъ отъ пустыни заповѣданное, что лишь отреченіемъ и жертвою подымается человѣкъ для дѣлъ, направляющихъ жизнь нашу, спутанную и своими житейскими средствами нераспутываемую.

Такъ въ задушевной бесѣдѣ самъ онъ мнѣ однажды признался, когда я ему о пустынѣ... колокольчикахъ, о березкахъ, бѣлыхъ сестрахъ благословенныхъ, свои мысли вслухъ говорилъ.

Кстати сказать, умиленіе это передъ березками не разъ мирило его съ Винокуровымъ: отъ сорока ли сороковъ москов-

скихъ, либо по дару Божьему понималъ Винокуровъ тайное слово земли русской съ ея бѣлыми березками.

Въ заботахъ о насъ проходила жизнь Веденея Никанорыча, все хотѣлось ему собрать насъ безпастушныхъ, растерявшихся въ безвременной жизни среди дебери печорской о-бокъ съ Медвѣдемъ Медвѣдичемъ и Ягой Ягишной.

И тутъ немало досаждалъ ему Винокуровъ.

И какъ-то на Святкахъ, наткнувшись на обнаженіе Шведкова и на прочее содомское безстудіе, отрясъ онъ прахъ отъ ногъ своихъ и больше къ Винокурову не навѣдывался.

— Семь бѣсовъ!

3.

Прошли Святки, прошла пора вѣнца, понаѣхала самоѣдь на Масленой съ оленями, да съ оленюшками, и весною повѣяло.

Какъ почернѣло небо надъ бѣлымъ снѣгомъ — я никогда не видалъ такого чернаго неба надъ такимъ бѣлымъ снѣгомъ, какъ завыло въ лѣсу — ой, не Яга ли Ягитна, окрещу окно! — и какъ ударили къ службѣ по великопостному, помянулось на сердцѣ о Пасхѣ, и все помирилось.

— Скоро Пасха!

Всѣ семь седмицъ прошли мирно.

Что-то не слыхать стало и о Винокуровыхъ бѣсахъ, — ни разу Шведкова не обнажали, хоть и таскался онъ къ Винокурову по-прежнему языкомъ почесать, и самъ итальянскій языкъ на время былъ оставленъ, и Штыкъ несчастный понемножку приходилъ въ себя. Или и самъ Винокуровъ не такой сдѣлался? Заглянешь, бывало, сидитъ вродѣ меня у окна, смотритъ на черную тучу, съ сороками разговариваетъ — сорочье подъ окнами такъ и прыгаетъ. Или и впрямь, и не только въ Чистый понедѣльникъ, а и въ весь постъ бѣсу скучно!

Въ Великую субботу Веденей Никанорычъ загодя зашелъ къ Винокурову: вмѣстѣ уговорились итти на заутреню къ Стефану Великопермскому. Все на немъ было по праздничному и только не умудрился подстричься. Въ нашей дебери печерской ни куаферовъ, ни парикмахеровъ не водилось, и если нужда

бывала, стригъ городовой Щекутеевъ: собирался Веденей Никанорычъ къ Щекутееву, да что-то помѣшало.

— Позвольте, Веденей Никанорычъ, — у Винокурова такъ глаза и загорѣлись, — да я вамъ бородку поправлю!

Другой разъ Веденей Никанорычъ, можетъ, и подумалъ бы, даваться ли, но тутъ подъ Пасху...

— Такъ съ боковъ-бы немножко! — поглаживалъ Веденей Никанорычъ свою браду Сергіеву.

И откуда-то въ мановеніе ока появился одеколонъ, вата и пудра, — у Винокурова этого добра всегда водилось, а за пудрой и ножницы — большія, для газетныхъ вырѣзокъ, маленькія — ногтевыя. Только бритвы не доставало.

— Ничего, — утѣшалъ Винокуровъ не столько Веденея Никанорыча, сколько себя самого, — я вамъ маленькими ножничками чище бритвы сдѣлаю! — и что-то еще говорилъ такъ несвязное, словно бы поперхивался, и на минуту исчезъ въ сосѣднюю комнату къ сѣнямъ.

Не предайся Веденей Никанорычъ умиленію своему пасхальному, навѣрно бы спохватился, — время еще было. Вѣдь, что говорить, выбѣгалъ Винокуровъ къ сѣнямъ не за чѣмъ-нибудь, а просто-на-просто тихонечко выхохотаться: мысль о стрижкѣ, какую такую бородку смастеритъ онъ Веденею Никанорычу, занялась въ немъ неудержимой игрой — бѣсы не моргали, всѣ семь.

Зеркала стѣнного не было, печорская деберь не Парижъ, но за то было одно стоячее, его и поставилъ Винокуровъ на столъ передъ Веденеемъ Никанорычемъ и, хоть Веденей Никанорычъ себя никакъ въ немъ поймать не могъ, а все-таки передъ зеркаломъ вродѣ какъ по-настоящему. И все шло по-настоящему: подвязалъ ему Винокуровъ бѣлое — занавѣску бѣлую, запихалъ за воротникъ ваты, щелкнулъ въ воздухѣ большими ножницами.

Былъ часъ десятый — въ соборѣ у Стефана Великопермскаго ударили къ дѣяніямъ.

— Въ одну минуту!

И заработали Винокуровы ножницы.

„Хорошо бы еще поспѣть къ дѣяніямъ...“ — подумалось Веденею Никанорычу.

— И къ дѣяніямъ успѣемъ, — стрекоталъ Винокуровъ.

Работа кипѣла.

И подъ ножничный стрекотъ неугомонный кипѣли воспоминанія о часахъ грядущихъ. Винокуровъ припоминалъ московскую Пасху и, мыслью ходя по вѣкамъ стоглавымъ, заглядывалъ въ церковки и монастыри и часовни на пасхальную службу.

— У насъ на Костромѣ тоже, — сдунулъ волосъ Веденей Никанорычъ, — дѣянія всѣ до конца прочитаютъ и начинается утреня, и послѣ канона, какъ унесутъ плащеницу, до слезъ станетъ и страшно...

— Тогда игуменъ и съ прочими священники и діаконы облачатся во весь свѣтлѣйшій санъ, — истово, какъ по писанному, словами служебника Іовскаго, выговаривалъ Винокуровъ, — и раздаетъ игуменъ свѣчи братіи. Параеклисіархъ же вжигаетъ свѣчи и кандила вся церковная предъ святыми иконами, приготовитъ и угліе горящіе во двоихъ сосудахъ помногу. И наполняютъ въ нихъ ѳиміана благовоннаго подовольну, да исполнится церковь вся благовонія. И ставятъ одинъ посреди церкви прямо царскимъ дверямъ, другой же внутрь алтаря. И затворятъ врата церковныя — къ западу. И вземлетъ игуменъ кадило и честный крестъ, а прочая священницы и діаконы святое Евангеліе и честныя иконы по чину ихъ, и исходятъ всѣ въ притворъ. И тогда ударяютъ напрасно въ канбанаріи и во вся древа и желѣзное и тяжкая камбаны и клеплютъ довольно.

Винокуровъ забралъ глубоко и изъ брады сергіевой вытесывался помаленьку колышекъ.

— Выходятъ же сѣверными дверями, — продолжалъ Винокуровъ, — впереди несутъ два свѣтильника. И, войдя въ притворъ, покадитъ игуменъ братію всю и діакону, предносящему передъ нимъ лампаду горящую. Братія же вся стоятъ со свѣчами.

Время бѣжало — поди ужъ и дѣянія оканчивались — бѣгло бѣгали ножницы, а еще только одна сторона подчищалась, другая кустатая неровно кустѣла.

— По окончаніи же кажденія, — слово въ слово выговаривалъ Винокуровъ, — приходятъ предъ великія врата церкви и покадитъ игуменъ діакона, предстоящаго ему съ лампадою, и

тогда діаконъ, взявъ кадило отъ руки игумена, покадитъ самого настоятеля. И снова игуменъ, держа въ рукѣ честный крестъ, возьметъ кадило и назнаменаетъ великія врaты церкви, затвореныя, кадиломъ крестообразно и свѣтильникамъ, стоящимъ по обѣ стороны, и велегласно возгласитъ:

„Слава святѣй единосущнѣй и животворящѣй нераздѣлимѣй Троицѣ всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ". И мы отвѣчаемъ: „Аминь". Начинаетъ по аминѣ велегласно съ діакономъ:

„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи, и гробнымъ животъ дарова!" — трижды и мы поемъ трижды.

„Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его..." — мы же къ каждому стиху „Христосъ воскресе" трижды, — „Яко исчезаетъ дымъ да исчезнутъ..." „Тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія, а праведницы да возвеселятся..." — „Сей день иже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь..." „Слава..." „И нынѣ..." — и скажетъ высочайшимъ гласомъ:

„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи!" — и крестомъ отворивъ двери, ступитъ въ церковь, и мы поющіе за нимъ, — „и гробнымъ животъ дарова". И тогда ударяютъ напрасно во вся древа и желѣзная и тяжкая камбаны и клеплютъ довольно, — три часы.

— Три часы, — протянулъ за Винокуровымъ Веденей Никанорычъ.

И какъ въ отвѣтъ ему внезапно ударило... ударилъ изъ темной воли колоколъ у Стефана Великопермскаго и покатился — и покатился надъ бѣлымъ снѣгомъ разливной, какъ вѣстница-туча, надъ снѣгомъ, надъ лѣсомъ, надъ Ягой, надъ Медвѣдемъ и катился — колоколъ за колоколомъ — по бѣлымъ снѣгамъ за Печору къ Уралу.

— Христосъ воскресъ!

И не трыкнувъ, запрыгали ножницы. Веденей Никанорычъ поднялся.

— Веденей Никанорычъ, еще немножко! — чуть не плакалъ Винокуровъ.

Оставалось и вправду немножко: лѣвая сторона совсѣмъ готова была и только съ правой все еще кустики, срѣзать кустики — и дѣлу конецъ.

— Сію минуту! — чуть не плакалъ Винокуровъ, усаживая Веденея Никанорыча.

Но если и въ пассажѣ у Орлова, гдѣ бритва либо самъ автостропъ дѣйствуютъ и то не одну папироску выкуришь, дожидаясь очереди, а ножницами... ножничками только съ перваго взгляда, кажется, пустяки: отрѣжешь волосокъ, за нимъ другой, за этимъ третій, — а ты попробуй-ка волосокъ за волоскомъ, да и не какъ-нибудь, а начисто, да и свѣту такого нѣтъ, одна лампа не обманетъ ночь.

Молчкомъ трудился Винокуровъ.

Время бѣжало, минуты летѣли, летѣли, какъ вѣтеръ — дѣдъ безрукій, а онъ леталъ за окномъ, разбужденный внезапнымъ звономъ.

— Ничего, ничего, успѣемъ, — вдругъ утѣшился Винокуровъ, — ризы долго мѣняютъ, у насъ, въ Толмачахъ сто ризъ батюшка перемѣнитъ.

Веденей Никанорычъ сидѣлъ, на себя не похожъ.

— Ничего, ничего, — утѣшалъ Винокуровъ, — „... кто пропуститъ и девятый часъ, да приступитъ, ничто же сумняся, ничто же бояся, и кто попадетъ только въ одиннадцатый часъ, да не устрашится замедленія: велика Господня любовь. Онъ пріемлетъ послѣдняго, какъ и перваго!“

Веденей Никанорычъ сидѣлъ на себя не похожъ: усъ его необыкновенно длинный, и тотъ и другой, и если не поднять его кверху, что-то въ родѣ печенега получается, а поднимешь — Мефистофель, и притомъ бородка...

И когда зазвонили къ обѣднѣ и, наконецъ-то, отвязалъ Винокуровъ занавѣску, прошелся пуховкой, сдунулъ волосъ и такъ навелъ зеркало, чтобы можно было посмотрѣться, Веденей Никанорычъ безнадежно замоталъ головою.

— Что это? — онъ потягивалъ себя за бородку.

— Колышекъ! — и глаза Винокурова такъ и горѣли.

Воденей Никанорычъ стоялъ, на себя не похожъ.

Волей-неволей, а пришлось усы кверху поддернуть, ничего не подѣлаешь. Винокуровъ ему и закрутилъ ихъ, на кончикахъ тоненькіе, какъ мышинъ хвостикъ.

И вышли на волю.

Звонили кѣ обѣднѣ.

Хлопьями снѣгѣ летѣлѣ, несло и мело, и вѣ крещенской крути со звономѣ, сѣ желѣзомѣ и тяжкимѣ камбаномѣ выла метель, вывывала —

— Христосѣ воскресѣ!

1915 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Положено въ основу разсказовъ моихъ народное. Я пользовался сборниками — самарскимъ, сѣвернымъ, пермскимъ: Д. Н. Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, Записки Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣленію этнографіи, XII т. Спб. 1884 г., Н. Е. Ончуковъ, Сѣверныя сказки, Записки Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣленію этнографіи, XXXIII т. Спб. 1908 г., Д. К. Зеленинъ, Великорус. сказки Пермской губ., Записки Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣленію этнографіи, XLI т. Пгр. 1914 г. Привожу №№-а сказокъ въ азбучномъ временникѣ-указателѣ.

Стр. 12. — *Николинъ завѣтъ.* — Изъ Олонецкихъ легендъ № 8. Этнограф. Обозр. М. 1891 г. № 4 (кн. XI).

Стр. 25. — *Шишдк*. — М. Борейша, Солдатъ и чортъ. Э. О. 1891 г. № 3 (кн. X), А. Колчинъ, Вѣрованія крестьянъ Тульской губ. Э. О. 1899 г. № 3 (кн. XLII).

Стр. 27. — *Солдатъ.* А. Н. Аѳанасьевъ, Народныя русскія легенды. Изд. Современныя Проблемы, М. 1914 г. № 16.

Стр. 43. — *Хлѣбный голосъ.*—Изъ Олонецкихъ легендъ № 10. Э. О. 1891 г. № 4 (кн. XI).

Стр. 59. — *Яйцо яичное.*—А. Д. Рудневъ, Хори-бурятскій говоръ. Изд. Факультета Восточныхъ языковъ Имп. С.-Петербургскаго Университета. № 42. Вып. 3. Спб. 1913 — 1914 гг. № XXII.

Стр. 98. — *Оттрудился.*—А. Васильевъ, Жив. Старина, 1911 г. Вып. I.

	Годъ написанія.	№ Садовникова и друг. записи.	Годъ напечатанія.		№
Банные анчутки . . .	1914	4	1914	Вершины	4
Бѣлая Пасха.	1915	Ончук. 233, 260	1915	Вершины	17
Глухая тропочка . . .	1914	89	1915	Нива	1
Голова	1914	100	1914	ОгонекЪ	13
ГолЪ-камень.	1914	73	1914	ГолосЪ Жизни . . .	2
Доля солдатская . . .	1914	80	1915	Отечество.	3
За родину.	1914	110	1915	Бирж. Вѣдомости .	14586
За Русскую землю. .	1914	—	1914	Рѣчь	349
Заря перегорѣлая . .	1914	90	1915	Нива	1
ЗаяцЪ сѢлЪ	1914	89 Аѳанас. 5	1915	Нива	1
Кабачная кикимора .	1914	70	1914	ОгонекЪ	18
КладЪ	1914	9	1914	ГолосЪ Жизни . . .	9
КлексЪ	1915	Ончук. 230	1915	СовременникЪ . . .	3
МагнитЪ-камень. . .	1914	103	1914	День	351
Морока	1914	25	1914	ГолосЪ Жизни . . .	5
На все Господь . . .	1915	ЗеленинЪ 16	1915	ГолосЪ Жизни . . .	13
Награда.	1914	97	1915	СовременникЪ . . .	1
НиколинЪ завѣтЪ . .	1914	Э. О. 1891 № 4	1914	Отечество	5
Нужда	1914	67	1915	СовременникЪ . . .	1
Оттрудился	1915	Ж. С. 1911 № 1	1915	СовременникЪ . . .	3
ПодожокЪ	1914	105	1914	ОгонекЪ	14
Праведный судія . . .	1914	96	1915	СовременникЪ . . .	1
Пупень	1915	112*и*	1915	СовременникЪ . . .	3
ПчелякЪ	1914	74*в*, 116	1914	ГолосЪ Жизни . . .	2
Семь бѣсовЪ	1915	—	1915	Бирж. Вѣдомости .	14741
СкоморошикЪ	1914	98	1914	День	14
Слово	1915	—	1915	Нов. журн. для всѢхЪ.	8

	Годъ написанія.	№ Садовникова и друг. записи.	Годъ напечатанія.		№
СолдатЪ	1914	Аѳанас. 16	1914	Бирж. Вѣдомости . .	14575
СолдатЪ-доброволецЪ .	1914	Ончук. 156, 279	1915	Русская Иллюстрація	16
СпрыгЪ-трава	1914	75, 113	1914	ГолосЪ Жизни	1
Страдной Россіи . .	1915	—	1915	Отечество	8
Урвина	1914	72*е*	1914	ГолосЪ Жизни . . .	1
ХлѢбный голосЪ . . .	1914	Э. О. 1891 № 4	1914	Отечество	6
ШишокЪ	1915	Э. О. 1891 № 3 Э. О. 1899 № 3	1915	Вершины	15
Яйцо ягиное	1915	РудневЪ XXII	1915	ГолосЪ Жизни . . .	12

Разсказы, вошедшіе вЪ книгу У к р Ѣ п у (1914 — 15 гг.) напечатаны были вЪ газетахЪ и журналахЪ.

I. Газеты: „Биржевыя Вѣдомости“, Пгр.; „День“ (приложеніе), Пгр.; „РѢчь“, Пгр.

II. Журналы: „Вершины“, Пгр.; „ГолосЪ Жизни“, Пгр.; „Нива“ (приложенія). Пгр.; „Новый ЖурналЪ для всѢхЪ“, Пгр.; „ОгонекЪ“, Пгр.; „Отечество“, Пгр.; „Русская иллюстрація“, М.; „СовременникЪ“, Пгр.

СОДЕРЖАНІЕ.

СЛОВО 7

СТРАДНОЙ РОССІИ.

Страдной Россіи 11
НиколинЪ завѣтЪ 12
За родину 14
СолдатЪ-доброволецЪ 17
Доля солдатская 23
ШишóкЪ 25
СолдатЪ 27
За Русскую землю 35
Бѣлая Пасха 38

ЗЕМНЫЯ ТАЙНОСТИ.

Хлѣбный голосЪ 43
ГолЪ-камень 45
ПчелякЪ 46
Урвина 48
Кабачная кикимора 50
МагнитЪ-камень 55
Яйцо ягиное 59
СпрыгЪ-трава 64
Банные анчутки 66
Нужда 68
Морока 71
КладЪ 76
Пупень 81
КлексЪ 83

НА ВСЕ ГОСПОДЬ

На все Господь 87
Голова 93
ПодожокЪ 96
Оттрудился 98
Заря перегорѣлая 101
Глухая тропочка 102
ЗаяцЪ сѣлЪ 104
Праведный судія 108
СкоморошикЪ 110
Награда 113
Семь бѣсовЪ 118

ПРИМѢЧАНІЯ 133
СОДЕРЖАНІЕ 139

КНИГИ АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА.

Собраніе сочиненій въ 8-ти томахъ, съ портретомъ автора, рис. М. В. Сабашниковой. Изд. Сиринъ. Спб. 1910—1912 г. Ц. 8 р.

Подорожіе. Изд. Сиринъ. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Докука и балагурье. Изд. Сиринъ. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Весеннее порошье. Изд. Сиринъ. Пгр. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

За святую Русь. Изд. Отечество. Пгр. 1915 г. Ц. 40 к. (Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны).

Укрѣпа. (Обложка М. В. Добужинскаго) Изд. Лукоморье. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чаемый Царьградъ. (Обложка Н. С. Гончаровой) Изд. Лукоморье. Пгр. 1916 г. (Печатается).

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛУКОМОРЬЕ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

„Сборникъ Лукоморье“. Ц. 2 р.
Сергѣй Городецкій — „Четырнадцатый годъ“. Ц. 1 р. Обложка Е. Нарбута.
М. Кузминъ — Военные разсказы. Ц. 1 р. 50 к. Обложка С. Судейкина.
Борисъ Лазаревскій — Во время войны. Ц. 1 р. 50 к. Обложка Д. Митрохина.
В. Опочининъ — Грезы и жизнь. Стихи. Ц. 1 р. 50 к. Обложка Е. Нарбута.
Георгій Ивановъ — Памятникъ славы. Стихи. Ц. 1 р. Обложка Е. Нарбута.
Михаилъ Долиновъ — Радуга. Стихи. Ц. 1 р. Обложка И. Мозалевскаго.
М. Влагинъ — Разсказы. Ц. 1 р. 25 к. Обложка Е. Нарбута.
Юрій Слезкинъ — Святая радость. Т. III. Ц. 1 р. 75 к. Обложка О. Шарлемань.
» » **— Среди березъ.** Т. II.
А. Ремизовъ — Укрѣпа. Обложка Е. Нарбута Ц. 1 р. 50 к.
А. Рославлевъ — Черезъ цвѣтныя стекла. Обложка Д. Митрохина. Ц. 1 р. 50 к.
Юр. Юркунъ — Разсказы. Обложка А. Божерянова. Ц. 1 р. 50 к.
Н. Кисилевъ — Скрещенные мечи. Обложка И. Мозалевскаго. Ц. 1 р. 25 к.
А. Липецкій — Воля къ жизни. Обложка И. Мозалевскаго. Ц. 1 р. 50 к.
В. Бѣловъ — Разумѣйте языцы. Обложка И. Мозалевскаго. Ц. 1 р. 50 к.
В. Козловъ — Подъ грозою. Обложка Д. Митрохина. Ц. 1 р. 50 к.
Д. Вергунъ — Что такое Галиція? (второе изд.) Ц. 35 к. Обложка Д. Митрохина.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

„Сборникъ Лукоморье“ (второй).
Ѳ. Сологубъ — Родина. Стихи. Обложка Е. Нарбута.
Ѳ. Сологубъ — Барышня Лиза. Обложка и иллюстраціи С. Судейкина.
Н. Олигеръ — Чужое солнце. Обложка С. Судейкина.
Бор. Садовской — Полдень. Стихи.
Б. Верхоустинскій — Утренняя звѣзда. Ц. 1 р. 50 к. Обложка Д. Митрохина.
Юрій Слезкинъ. Т. Т. I, IV, V, VI. Обложка О. Шарлемань.
С. Ауслендеръ — Разсказы. Сердце воина. Ц. 1 р. 25 к. Обложка Д. Митрохина.
А. Рославлевъ — Кольцо. Стихи. Обложка Д. Митрохина.
Карнавалъ — Разсказы.
Паукъ — Разсказы.
Бор. Лазаревскій — Новыя дѣвушки.
Д. Цензоръ — Обиженная любовь. Обложка Д. Митрохина.
Яковъ Годинъ — Праздникъ. Обложка М. Лебедевой.
А. Ремизовъ — Чаемый Царьградъ. Обложка Н. Гончаровой.
Д. Крачковскій — Покорность. Ц. 1 р. 50 к. Обложка Д. Митрохина.
В. Муйжель — Приключенія двухъ юныхъ добровольцевъ на войнѣ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛУКОМОРЬЕ

Складъ изданій: Петроградъ, Невскій пр., 40.

Ц. 1 р. 75 к.